

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Уральский юридический институт

И.А. Пантелеев

**ПОДОЗРЕНИЕ
В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ
РОССИИ**

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

Екатеринбург

2001

ББК 67. 411

П166

Пантелеев И.А. Подозрение в уголовном процессе России:

П166

Учеб. пособие. – Екатеринбург: Издательство Уральского юридического института МВД России, 2001. – 48 с.

Рецензенты: **В.Н. Курченко, кандидат юридических наук,**
председатель судебной коллегии по уголовным делам
Свердловского областного суда;

В.Ф. Дворянов, академик, доктор исторических наук,
проректор Уральского института коммерции и права.

ISBN 5-88437-094-6

В пособии рассматриваются вопросы о понятии подозрения, его месте и роли в уголовном процессе. Проанализирован ряд наиболее актуальных проблем, связанных с уголовно-процессуальной деятельностью органов уголовного преследования на этапе подозрения, в связи с чем предложена качественно новая конструкция подозрения в уголовном процессе, исходя из обеспечения конституционных прав и свобод личности.

Работа адресована прежде всего следователям и дознавателям всех правоохранительных органов, прокурорам, адвокатам, а также преподавателям, студентам и аспирантам юридических ВУЗов и факультетов.

Обсуждено на заседании кафедры уголовного процесса (протокол № 7 от 1. 06. 2001).

Рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом (протокол № 29 от 28. 06. 2001).

ББК 67. 411

ISBN 5-88437-094-6

© И.А. Пантелеев, 2001

© УрЮИ МВД России, 2001

ВВЕДЕНИЕ

Совершенствование правовой системы России, осуществляемое прежде всего в целях укрепления гарантий прав личности, в уголовном судопроизводстве выводит на первый план проблему статуса участников уголовно-процессуальной деятельности. Среди них в настоящее время наиболее актуальной является фигура подозреваемого в совершении преступления. Именно на этапе подозрения, как свидетельствует практика, допускается значительная часть нарушений прав человека. Главная причина этого заключается в недостаточной нормативной регламентации уголовно-процессуальной деятельности на этапе подозрения. Происшедшие в последние годы изменения в процессуальном положении подозреваемого: расширение права на защиту, судебное обжалование ареста и другие не устранили первопричины проблемы –

подозрение как институт уголовного процесса остается, по существу, “белым пятном” в уголовно-процессуальном законодательстве.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство не называет точек отсчета, с которых начинается подозрение, не предлагает юридического акта, которым лицо прямо ставится в положение подозреваемого, не содержит точно исчисляемого срока существования лица под подозрением, не предусматривает формы освобождения лица от подозрения в случае его неподтверждения и т.д.

В результате несовершенства уголовно-процессуального законодательства страдают обе стороны, участвующие на этапе подозрения: и органы уголовного преследования, и личность, оказавшаяся под подозрением. Первые восполняют правовой вакуум теми методами и средствами, которые вырабатывает местная практика и которые чаще всего не обеспечивают эффективность уголовно-процессуальной деятельности и не отвечают современным требованиям защиты прав и интересов личности. Последняя же испытывает на себе все издержки деятельности “силовых” органов, возможные в условиях произвола.

Юридическая наука советского периода идеологически была ориентирована лишь на одну схему исследования ➤ “от права к практике”, пытаясь объяснить все многообразие жизни с позиции действующего законодательства. Такой подход во многом был обречен на неудачу, и прежде всего, по причине методологической. Советский законодатель, решая проблему подозрения, произвольно сформулировал в ст. 52 УПК РСФСР понятие подозреваемого, оставив без внимания главное – само подозрение. В результате и теория, и практика пошли по пути “подозреваемый – подозрение”, тогда как реальная картина в этой части уголовно-процессуальной деятельности, думается, может быть представлена по противоположной методологической схеме – “от подозрения к подозреваемому”.

Необходимо исходить из того, что при раскрытии и расследовании преступлений объективно возникают ситуации, когда орган дознания или следствия располагает фактическими данными (информацией), свидетельствующими о причастности конкретного лица к расследуемому преступлению, тогда как оснований для предъявления этому лицу обвинения еще нет. Это означает возникновение по делу подозрения, которое, в свою очередь, является основой появления в деле подозреваемого. Именно через эту причинно-следственную связь может быть уяснена роль, место и статус подозреваемого, а также решены сугубо процессуальные вопросы, связанные с появлением, развитием и окончанием подозрения как этапа уголовно-процессуальной деятельности.

В последнее десятилетие проблема подозрения с учетом происшедших в нашей стране изменений по существу не исследовалась. Новые потребности следственной практики, изменившееся законодательство (в первую очередь конституционное), иные научные подходы, а также **принятие** нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹ обусловили актуальность настоящего пособия.

Автор выражает сердечную признательность доктору юридических наук, профессору А.А. Давлетову, пожелания и замечания которого были с благодарностью приняты и способствовали улучшению содержания работы.

---

¹Уголовно-процессуальный кодекс РФ / Российская газета. 2001. 22 дек.

§ 1. Место и значение подозрения в уголовном процессе

Существование подозрения в уголовном процессе России, а также в других государствах континентальной системы права, продиктовано прежде всего, тем, что сложный процесс раскрытия и расследования преступлений не дает быстрого перехода от “незнания к знанию”, т.е. от начала производства по уголовному делу к моменту предъявления обвинения. В этом временном промежутке происходит количественное накопление познавательной информации, а также доказательств, дающих фактическую базу для перехода количества в качество, т.е. перехода подозрения в обвинение.

Цель любого расследования состоит в раскрытии преступления, т.е. установлении лица, его совершившего, что выражается в вынесении

обвинительного акта в отношении этого лица. Однако, достижение этой цели всегда представляет собой сложный познавательный процесс, в котором происходит накопление знания, переход от “незнания к знанию”. Поскольку обвинение в строго юридическом смысле должно предъявляться лицу только при полной доказанности (достаточности доказательств), то в процессе такого накопления нередко перед органами расследования предстает человек, против которого имеются определенные данные о его причастности к совершению преступления, хотя оснований для предъявления обвинения еще не имеется. Это означает, что в расследовании дела появляется особый этап – подозрение, которое всегда предшествует обвинению и выступает своего рода “предобвинением”.

Этап “предобвинения”, каковым является подозрение, всегда предполагает познавательную неопределённость, т.е. ту или иную степень вероятного знания. Знания следователя о совершении лицом преступления здесь неполные, отрывочные, не позволяющие сразу предъявить обвинение человеку, против которого обращено уголовное преследование. При этом человек, оказавшийся под подозрением, не может быть на этапе подозрения ни свидетелем (уже поздно), ни, тем более, обвиняемым (еще рано), а должен получить соответствующий процессуальный статус с присущими ему правами и обязанностями для того, чтобы противостоять подозрению и от него защищаться.

В теории уголовного процесса принято считать, что общественные отношения в сфере уголовного судопроизводства осуществляются в форме уголовно-процессуальных отношений, участники которых наделены правами и обязанностями². Это положение непосредственно относится и к области уголовно-процессуальной деятельности в части подозрения.

---

²См. подробно: Уголовно-процессуальное право: Учеб. / Под. ред. П.А. Лупинской. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 1997. С. 36-38.

Особенностью уголовно-процессуальных отношений является то, что они призваны обозначить то состояние, которое существует в правовой сфере между физическими лицами, на которые обращена уголовно-процессуальная деятельность, и органами, ведущими уголовный процесс. А поскольку правоотношение всегда предполагает правовую регламентацию двух сторон – органов уголовного процесса и других субъектов, то это дает основания утверждать, что подозрение также является правоотношением, складывающимся между органом уголовного преследования с одной стороны и гражданином с другой в ходе предварительного расследования в связи с причастностью данного лица к преступлению при обстоятельствах, исключающих возможность предъявления ему обвинения.

Орган уголовного преследования, при наличии юридического факта (преступления) совершает предписанные ему законом действия, реализует свои полномочия в виде возбуждения уголовного дела, избрания меры пресечения в отношении подозреваемого либо прекращения дела и т.д. В то же время гражданин, вовлеченный в уголовный процесс в связи с причастностью его к преступлению, должен быть наделен специальным статусом подозреваемого с характерными для него правами и обязанностями, которые он реализует в рамках правоотношений для защиты своих прав и законных интересов (право на защиту, право приносить жалобы на действия и решения следователя и др.).

Подозрение является частью целого – стадии предварительного расследования, выступая в качестве элемента общей системы. Это требует, в первую очередь, нахождения места и роли подозрения в системе уголовно-процессуальной деятельности. Поскольку, как отмечалось, проблема подозрения в теории уголовного процесса практически не исследовалась, то данный вопрос остается, по существу, в науке “белым пятном”.

Поиск отправных точек в решении этого вопроса приводит к институту привлечения лица к уголовной ответственности, так как именно с ним видится прямая связь подозрения как правоотношения между заподозренным лицом и органом уголовного преследования, а также как деятельность этого органа на данном этапе предварительного расследования.

В Основах уголовного законодательства 1958 г. были разграничены понятия уголовной ответственности и наказания, которые в настоящее время являются фундаментальными, базовыми институтами в науке уголовного права. Такая новелла не могла не отразиться и на уголовно-процессуальном праве. В УПК РСФСР 1960 г. материальные термины – “уголовная ответственность” и “наказание” – были интерпретированы в процессуальные и законодательно закрепились как “привлечение к уголовной ответственности” и “осуждение” (ст. 2).

В научной литературе достаточно широкое распространение получила точка зрения, согласно которой привлечение к уголовной ответственности осуществляется только при вынесении обвинительного приговора, которым подсудимый признается виновным и ему назначается справедливая мера уголовного наказания. На этой позиции находится большая группа процессуалистов³. Это связано прежде всего с тем, что привлечение к уголовной ответственности рассматривается как форма реализации уголовной (материальной) ответственности. И если рассматривать данную точку зрения с позиции презумпции невиновности, согласно которой гражданин может быть признан виновным только по вступлении приговора в законную силу, то она может заслуживать поддержки. Однако при таком утверждении получается, что привлечение к уголовной ответственности

---

³См.: Карнеева Л.М. Привлечение к уголовной ответственности. М., 1971. С. 6 – 8; Мотовиловкер Я.О. Об институте “привлечение к уголовной ответственности” и содержании уголовно-процессуальной деятельности // Проблемы укрепления социалистической законности и правопорядка. Куйбышев, 1979. С. 76; Петрухин И.Л., Батуров Г.П., Морщакова Т.Г. Теоретические основы эффективности правосудия. М., 1979. С. 9; и др.

является исключительно компетенцией суда (судьи) и представляет собой своеобразный итог в уголовном деле. И если это так, то чем является предшествующая привлечению к уголовной ответственности судом деятельность органов дознания и следствия? На этот вопрос в науке существуют две основные точки зрения. Первая – поскольку деятельность следователя после привлечения лица в качестве обвиняемого носит ярко выраженный обвинительный характер, то ее называют обвинительной деятельностью, или обвинением⁴; вторая – эту деятельность именуют уголовным преследованием⁵.

С позиции закона процессуальная деятельность по привлечению к уголовной ответственности всегда предшествует осуждению и осуществляется в рамках стадии предварительного расследования⁶. Это подтверждается как нормами материального, так и процессуального законодательства.

В Уголовном кодексе РФ предусмотрена статья о незаконном освобождении от уголовной ответственности лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, прокурором, следователем или лицом, производящим дознание (ст. 300). В уголовно-процессуальной деятельности большинство названных субъектов, за исключением прокурора, присутствуют только в стадии предварительного расследования, так как в стадии возбуждения уголовного дела нет ни подозреваемого, ни тем более обвиняемого. Обвиняемый, [по уголовному делу которого назначено судебное разбирательство](#), именуется уже подсудимым (ст. 47 УПК РФ).

Название деятельности по привлечению к уголовной ответственности уголовным преследованием, думается, не совсем точно отражает специфику последнего. Дело в том, что если момент начала привлечения к уголовной

---

⁴См.: Дадыров П.М. Обвинение в советском уголовном процессе: Дисс. д-ра юрид. наук. Свердловск, 1973. С. 254-279; Строгович М.С. Избранные труды: В 3 т. М., 1992. Т. 2. С. 45; и др.

⁵См.: Ларин А.М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. М., 1986. С. 25-38; Зинатуллин З.З., Зинатуллин Т.З. Общие проблемы обвинения и защиты по уголовным делам. Ижевск, 1997. С. 7-8; Еникеев З.Д. Уголовное преследование: Учеб. пособие. Уфа, 2000. С. 3-10; и др.

⁶Исключение составляют дела частного обвинения при подаче жалобы непосредственно в суд.

ответственности и уголовного преследования может совпадать с возбуждением уголовного дела, то момент окончания привлечения к уголовной ответственности в стадии предварительного расследования приходится на выполнение ст. 217 УПК РФ по делу, в то время как уголовное преследование продолжается и на последующих стадиях уголовного процесса вплоть до снятия с лица судимости. Поэтому прав З.З. Зинатуллин, утверждая, что “уголовное преследование начинается с момента возбуждения уголовного дела и имеет место на всем протяжении производства по уголовному делу, во всех стадиях уголовного процесса, т.е. до тех пор, пока есть основания считать определенное лицо виновным в совершении преступления и заслуживающим применения к нему подлежащей отбытию той или иной меры уголовного наказания...”⁷. Следовательно, понятие “уголовное преследование” гораздо шире как в своих границах, так и по своему содержанию, нежели привлечение к уголовной ответственности, осуществляемое органами уголовного преследования (прокуратуры, следствия, дознания).

Отсюда следует вывод, что уголовно-процессуальная деятельность по привлечению лица к уголовной ответственности, являясь компетенцией органов уголовного преследования, осуществляется в стадии предварительного расследования.

Вместе с тем, ученые вкладывали разное содержание в понятие “привлечение к уголовной ответственности”, стараясь увязать его с обвинением. Так, по мнению Н.С. Алексеева и В.З. Лукашевича, “привлечение к уголовной ответственности осуществляется органом дознания или следователем с момента вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого, а окончательно устанавливается уголовная ответственность с назначением меры уголовного

---

⁷Зинатуллин З.З., Зинатуллин Т.З. Указ. соч. С. 7-8.

наказания только судом в обвинительном приговоре”⁸. По иному раскрывает смысл привлечения к уголовной ответственности Л.М. Карнеева, которая исходит из того, что привлечение к уголовной ответственности представляет собой “единовременный процессуальный акт”, совпадающий с “процессуальным актом привлечения лица в качестве обвиняемого”⁹. А по утверждению М.С. Строговича, “привлечение к уголовной ответственности понимается как постановка вопроса об уголовной ответственности обвиняемого, как исследование этого вопроса с участием обвиняемого”¹⁰.

Таким образом, привлечение к уголовной ответственности сводится данными авторами к привлечению лица в качестве обвиняемого. Основной причиной такого толкования привлечения к уголовной ответственности, т.е. его взаимосвязи исключительно с обвинением, послужила позиция советской судебной практики, формируемой высшими судебными инстанциями, которая при определении момента сроков давности привлечения к уголовной ответственности исходит из того, что датой привлечения к уголовной ответственности должна считаться дата вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого. В итоге, привлечение к уголовной ответственности превратилось в синоним привлечения лица в качестве обвиняемого¹¹. Так, комментируя один из Указов Президиума Верховного Совета СССР, В.М. Савицкий высказал точку зрения, согласно которой “возмещение ущерба, причиненного, в частности, незаконным привлечением гражданина к уголовной ответственности употребляется в уголовно-процессуальном законе как синоним “привлечения в качестве обвиняемого”.

---

⁸Алексеев Н.С., Лукашевич В.З. Ленинские идеи в советском уголовном судопроизводстве. Л., 1970. С. 69 ◀ 70.

⁹Карнеева Л.М. Указ. соч. С. 16.

¹⁰Строгович М.С. Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности. М., 1984. С. 29 ◀ 30.

¹¹Более подробно см.: Лукашевич В.З. Привлечение к уголовной ответственности в советском уголовном процессе. Л., 1985. С. 21 ◀ 22.

Несомненно, что... в рассматриваемом Указе речь идет о процессуальном акте привлечения в качестве обвиняемого...”¹².

Немалая заслуга в утверждении такого понимания привлечения к уголовной ответственности принадлежит ученым-материалистам. С их точки зрения, поскольку реализация уголовно-правовых отношений неразрывно связана с осуществлением уголовной ответственности в прямом материально-правовом смысле, реализацией правовой обязанности совершившего лица отвечать за содеянное¹³, применяемые в отношении обвиняемого процессуальные меры правоограничительного характера и вообще необходимость подвергаться процедуре участия в производстве по уголовному делу уравниваются с наказанием по приговору суда. Данная позиция проявляется в утверждении: “Предъявление обвинения и есть привлечение к уголовной ответственности. Все последующее производство по делу – дознание, предварительное следствие, производство в суде, наказание лица, совершившего преступление, ☞ есть не что иное, как уголовная ответственность”¹⁴.

Таким образом, в науке уголовно-процессуального права произошло отождествление двух процессуальных институтов – обвинения и привлечения к уголовной ответственности. Причиной сложившегося положения, когда привлечение к уголовной ответственности уравнивается с обвинением, стала позиция советского законодателя, суть которой заключалась в том, чтобы только с обвинения признавать лицо привлечённым к уголовной ответственности. По этой причине предшествующая обвинению деятельность по привлечению к уголовной ответственности (подозрение) фактически

---

¹² Савицкий В.М. Имущественные последствия реабилитации // Правоведение. 1982. № 6. С. 54.

¹³ Браинин Я.М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. М., 1963. С. 26.

¹⁴ Наташев А.Е., Стручков Н.А. Основы теории исправительно-трудового права. М., 1967. С. 8.

выпала и из уголовно-процессуального законодательства, и из научных разработок.

Попытка рассматривать привлечение к уголовной ответственности под углом зрения обвинения представляется узким подходом. При такой позиции получается, что уголовно-процессуальная деятельность по привлечению лица к уголовной ответственности на стадии предварительного расследования охватывает только один институт обвинения, исключая из этой системы подозрение, что является неприемлемым с точки зрения прав и свобод человека, оказавшегося под подозрением. Но утверждение такой позиции учеными ни в коем случае не является их слабостью. Дело в том, что, анализируя привлечение к уголовной ответственности, они последовательно придерживались общепринятой тогда установки о недопустимости критики “буквы закона”, видя свое предназначение в толковании действующего законодательства. Именно потому, что подозрение было оставлено законодателем без должного правового регулирования, то вопрос о его месте и роли вообще не вставал и, тем более, не рассматривался в связи с привлечением лица к уголовной ответственности. Этот подход был обусловлен и оправдан в советское время с его явно репрессивным уголовным процессом, особенно в досудебных стадиях. В настоящее время признание подозрения как этапа уголовно-процессуальной деятельности и его сущности как уголовного преследования, настоятельно требует исследования подозрения в рамках института привлечения к уголовной ответственности.

Поэтому, если подозрение зачастую предшествует обвинению, а место последнего находится в институте привлечения к уголовной ответственности, то, следуя закону логики, место подозрения именно в указанном институте. Ведь не может быть, чтобы подозрение против лица шло параллельно его же обвинению. Даже гипотетически это предположив, получим грубое

нарушение всей системы уголовного процесса, элементы которой идут строго последовательно, стадия за стадией, один этап сменяет другой и т.д.

Думается, деятельность органов уголовного преследования по привлечению лица к уголовной ответственности включает в себя не один этап обвинения, а два, причем смежных и последовательных – подозрения и следующего за ним обвинения. Такой вывод основывается, прежде всего, на присущем уголовному процессу условию стадийности. Стадии уголовного процесса всегда последовательно сменяют друг друга. При этом внутри каждой стадии могут находиться составные ее части – этапы, на которых осуществляется определенная деятельность органов уголовного судопроизводства. Например, стадия предварительного расследования, говоря языком криминалистики, делится на два этапа – первоначальный и последующий. В уголовном процессе своя терминология, в соответствии с которой на предварительном расследовании выделяется этап неотложных следственных действий, этап обвинения и др. Следуя традиционному представлению об обвинении, получается, что последующий этап расследования является этапом обвинения, с которого начинается привлечение лица к уголовной ответственности. И если само обвинение начинается с последующего этапа, то приходится признать, что первоначальный этап с момента появления в нем заподозренного лица и до предъявления ему обвинения является *этапом подозрения*. При этом, следует особо подчеркнуть, что этап подозрения начинается не только с момента возбуждения уголовного дела, поскольку очень часто оно возбуждается в отсутствие лица, совершившего преступление, т.е. по факту совершения преступления, а с момента, когда заподозренное лицо установлено, но достаточных доказательств для предъявления ему обвинения еще нет.

Отсутствие подозрения как нормативно признанного этапа уголовно-процессуальной деятельности с достаточно определенным его местом и ролью породило не только отождествление обвинения и привлечения лица к уголовной ответственности, но и дало основание рассматривать предшествующую обвинению деятельность как этап формирования обвинения¹⁵.

В случае отсутствия подозрения и подозреваемого по уголовному делу действительно вся деятельность следователя на первоначальном этапе расследования выступает как формирование обвинения. В этом случае по делу обвинительные доказательства находят свое выражение в акте привлечения лица в качестве обвиняемого. Если же обвинению предшествует подозрение и подозреваемый, то в уголовно-процессуальной деятельности появляется качественно иной, самостоятельный этап расследования, который, в конечном счете, может рассматриваться как формирование обвинения (если подозрение перейдет в обвинение). Однако, будучи качественно иным по характеру и содержанию, подозрение требует признания его как отдельного этапа предварительного расследования, который может и не стать частью (этапом) формирования обвинения (если подозрение свое подтверждение не нашло).

Вместе с тем необходимо различать фактическое и строго процессуальное (юридическое) подозрение. Фактическое подозрение представляет собой возникшее в сознании следователя на основе имеющихся по делу данных отношение к лицу, как к причастному к совершению преступления. В частности, факт возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица есть одно из проявлений такого отношения следователя к заподозренному лицу. Подозрение же юридическое не может быть иным как в форме специального правового акта, в котором выражается подозрение, и, главное,

---

¹⁵ Парадеев В.М. Формирование обвинения на предварительном следствии в советском уголовном процессе: Автореф. дисс. канд. юрид. наук. Свердловск, 1978. С. 11.

которое официально предъявляется этому лицу, с этого момента приобретающему данный статус.

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что подозрение в системе уголовного процесса является элементом деятельности по привлечению лица к уголовной ответственности, поскольку обладает рядом общих свойств, объединяющих его с обвинением. Подтверждением этому служит следующее.

Во-первых, привлечение к уголовной ответственности неразрывно связано с квалификацией противоправного деяния лица в соответствии с диспозицией нормы Уголовного кодекса. При решении вопроса о вовлечении человека, причастного к совершению преступления, в уголовное дело, следователь должен оценить фактические обстоятельства совершённого деяния через призму уголовного закона. При совпадении фактических обстоятельств с диспозицией нормы уголовного закона орган уголовного преследования выдвигает тезис подозрения, а если доказательств виновности лица достаточно для предъявления обвинения, то тезис обвинения.

Тезис подозрения, так же как и обвинения, выдвигается органом уголовного преследования в виде строго определенной формулы – совокупности фактических обстоятельств и юридической квалификации деяния, которая находит свое отражение в официальных решениях (документах) следователя. Например, на этапе подозрения об уголовно-правовой квалификации действий лица можно судить из содержания протокола задержания по ст. 92 УПК РФ, где указана конкретная статья УК РФ, по которой подозревается лицо в совершении преступления, о чем ему объявляется. Началом этапа обвинения является специальное постановление органа уголовного преследования о привлечении в качестве обвиняемого, в котором также излагаются фактические обстоятельства, указывающие на преступление, а также юридическая квалификация этого деяния (статья УК

РФ), в совершении которого обвиняется гражданин. При этом формула обвинения может быть гораздо шире по своему содержанию, нежели формула подозрения. В реальной практике имеют место ситуации, когда в формулу обвинения необходимо включить ссылку на нормы не только Особенной, но и Общей частей УК. Например, если необходимо указать стадию совершения преступления, на которой оно было пресечено и не доведено поэтому до конца. Аналогичным образом следователь поступает, если необходимо указать: а) на роль обвиняемого в групповом преступлении; б) на совершение преступления в составе организованной преступной группы; в) на руководство ею¹⁶. Таким образом, выдвижение против лица органом уголовного преследования тезиса причастности к преступлению в виде формулы подозрения или обвинения, то есть фактической и юридической квалификации деяния, является неотъемлемым условием деятельности органов уголовного преследования по привлечению лица к уголовной ответственности.

Во-вторых, орган уголовного преследования, решив привлечь лицо к уголовной ответственности, должен наделить его соответствующим процессуальным статусом. По [новому Уголовно-процессуальному кодексу РФ](#) статус подозреваемого во многом схож со статусом обвиняемого. Так, анализ ст. 46 и [47 УПК РФ](#) позволяет сделать вывод, что большинство прав и обязанностей, предоставленных обвиняемому, совпадают с правами и обязанностями подозреваемого. Например, так же как и обвиняемый, подозреваемый имеет право на защиту, а также вправе: знать, в чем он подозревается (обвиняется), и давать объяснения; представлять доказательства; заявлять ходатайства; знакомиться с протоколами следственных действий, произведенных с его участием, а также с материалами, направляемыми в суд в подтверждение законности и обоснованности применения к нему заключения под

---

¹⁶ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР. М., 1995. С. 213.

стражу в качестве меры пресечения; иметь защитника; заявлять отводы; приносить жалобы на действия (бездействие) и решения суда, прокурора, следователя и дознавателя; иметь с определенного момента свидания с защитником, родственниками и иными лицами. Кроме имеющихся прав подозреваемый и обвиняемый обязаны: являться по вызовам дознавателя, следователя, прокурора; не уклоняться от участия в предварительном следствии (дознании); не препятствовать проведению расследования путем уничтожения, фальсификации доказательств, подговора свидетелей и других незаконных действий и др.

В-третьих, против подозреваемого могут быть обращены большей частью одинаковые и специфичные меры уголовно-процессуального принуждения, которые применимы к обвиняемому. Поскольку по УПК РФ (главы 13 и 14) все меры уголовно-процессуального принуждения разделены на две группы: меры пресечения и иные меры процессуального принуждения, то к подозреваемому могут применяться: а) все меры пресечения в порядке ст. 100 УПК РФ; б) все следственные действия, носящие принудительный характер, например: выемка предметов и документов (ст. 183 УПК РФ); наложение ареста на почтово-телеграфные отправления и выемку их из почтово-телеграфного учреждения (ст. 185 УПК РФ); контроль и запись переговоров (ст. 186 УПК РФ); освидетельствование (ст. 179 УПК РФ); получение образцов для сравнительного исследования (ст. 202 УПК РФ) и др.; в) иные меры принуждения, в том числе: наложение ареста на имущество (ст. 115 УПК РФ); привод (ст. 113 УПК РФ); помещение в медицинский или психиатрический стационар для производства судебной экспертизы (ст. 203 УПК РФ) и др. Правовым основанием для применения мер уголовно-процессуального принуждения является постановление о возбуждении уголовного дела. До этого момента ни о каком принуждении в отношении подозреваемого говорить нельзя.

В-четвертых, происшедшие за последнее время изменения в нашем обществе позволили критически подойти к вопросу о гарантиях прав личности в уголовном судопроизводстве. Так, если государство в лице органов расследования начинает уголовное преследование лица, совершившего преступление (т.е. начинает “нападать”), то оно же обязано предоставить этому лицу возможность защищаться (“обороняться” от “нападения”) всеми законными способами и средствами.

В новом УПК РФ закреплено положение, согласно которому “подозреваемому и обвиняемому обеспечивается право на защиту, которое они могут осуществлять лично либо с помощью защитника и (или) законного представителя” (ч. 1 ст. 16). Причем это право по закону предоставляется

только тому лицу, против которого обращено уголовное преследование. И обвиняемый, и подозреваемый – лица, в отношении которых ведется уголовное преследование, в отличие от потерпевшего, который, имея [право на представителя в лице адвоката](#) (ст. 42 УПК РФ), не привлекается к уголовной ответственности.

В то же время подозрение обладает специфическими характеристиками, отличающими его от обвинения.

Подозрение является необязательным этапом привлечения к уголовной ответственности. Практика расследования уголовных дел многообразна и сложна. Здесь вполне допустима ситуация, когда органом уголовного преследования может быть собрано такое количество доказательств, которое предоставит возможность предъявить обоснованное обвинение лицу без предварительного его вовлечения в дело в качестве подозреваемого. При этом, безусловно, должно соблюдаться требование, при котором такое лицо при необходимости производства с ним следственных действий не должно ставиться в положение “изобличаемого свидетеля” или фигурировать в качестве лица без определенного процессуального положения.

Некоторые авторы полагают, что лицо, прежде чем оно будет привлечено в качестве обвиняемого, обязательно должно пройти статус подозреваемого¹⁷. В этой связи мы разделяем точку зрения А.В. Солтановича, согласно которой закрепление в уголовно-процессуальном законе требования об обязательности во всех случаях привлечения лица в качестве подозреваемого видится недопустимым. Автор справедливо утверждает, что “это повлечет за собой перемещение всей тяжести предварительного расследования на установление наличия или отсутствия оснований для подозрения, его формулирование и проверку порой без действительной в этом необходимости по каждому конкретному делу. Тем самым акт привлечения лица в качестве обвиняемого превратится, по сути дела, в формальную процедуру”¹⁸.

---

¹⁷ Боровский Э. Понятие подозреваемого в советском уголовном процессе // Вестн. МГУ. Сер. 10. Право. М., 1963. № 3. С. 33–34; Ямпольский А.Е. Процессуальная природа понятие подозреваемого // Республиканская научная конференция “Проблемы совершенствования советского законодательства и деятельности государственных органов”: Тез. докл. Минск, 1969. С. 193; Короткий Н.Н. Процессуальные гарантии неприкосновенности личности подозреваемого и обвиняемого в стадии предварительного расследования: Дисс. канд. юрид. наук. Киев, 1977. С. 25, 58–60, 62.

¹⁸ Солтанович А.В. Право подозреваемого на защиту в уголовном процессе республики Беларусь: Дисс. канд. юрид. наук. Минск, 1992. С. 47–49.

В отличие от этапа обвинения, который может длиться не один месяц, подозрение является кратковременным (до десяти суток) этапом в уголовно-процессуальной деятельности. При этом мы имеем в виду не фактическое подозрение против лица, которое может длиться неопределенное время, а юридическое, т.е. четко закрепленное в юридическом, процессуальном акте. И если этап обвинения лежит в границах от вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого до назначения судебного заседания, то этап подозрения – от процессуального акта, ставящего личность в статус подозреваемого, до момента перехода его в статус обвиняемого.

Поскольку обвинение базируется на наличии достаточных доказательств, дающих основание для предъявления лицу обвинения, то их сбор, проверка, а в особенности и оценка требуют от органа уголовного преследования более тщательного и взвешенного подхода. С момента привлечения лица в качестве обвиняемого следователь уже начинает вести расследование с обвинительным уклоном. На этапе же подозрения такой обвинительный уклон недопустим, так как **необходимо выявить не только обвинительные, уличающие, но и оправдывающие лицо обстоятельства.** Именно этап подозрения позволяет следователю определиться в направлении расследования. Называя данный этап формированием обвинения, констатируется тот факт, что следователь с самого начала встает на путь обвинения, не оставляя личности шансов на всестороннее и объективное исследование обстоятельств дела.

Обвинение является переломным моментом в уголовном деле. К этому моменту следователь обладает “стопроцентным” внутренним убеждением о виновности лица. Подозрение же, напротив, отличается таким набором доказательств, которое образует правовую неопределенность. Этих доказательств явно недостаточно на этапе подозрения для принятия решения о предъявлении лицу обвинения. А поскольку лицо уже участвует в деле в качестве

подозреваемого, то такая неопределенность должна быть в кратчайший срок разрешена – или переходить на этап обвинения или заканчивать этап подозрения с одновременным освобождением лица от подозрения.

На этапе подозрения к лицу, привлеченному к уголовной ответственности, должен применяться более “мягкий” набор принудительных мер, чем на этапе обвинения. Подозрение – это еще не обвинение. Однако, по [УПК РФ](#) к подозреваемому из всех мер процессуального принуждения, применяемых на предварительном расследовании к обвиняемому, вообще не применяется только одна – [временное](#) отстранение от должности (ст. [114 УПК РФ](#)). Более того, как справедливо заметил В.С. Шадрин, “применение к подозреваемому в порядке ст. 90 УПК (ст. [100 УПК РФ](#) – И.П.) мер пресечения, главным образом, заключения под стражу, давно из исключения превратилось в правило”¹⁹. Поэтому, сложившаяся практика в применении принуждения к подозреваемому видится недопустимой. Нельзя подозреваемого ставить на одну ступень с обвиняемым, поскольку этим не обеспечиваются гарантии охраны прав личности в уголовном процессе. Например, как показывает следственная практика, применив к подозреваемому заключение под стражу до предъявления обвинения, орган уголовного преследования при неподтверждении подозрения даже не пытается отменить эту меру пресечения, при этом все усилия направляя не на установление истины по делу, а на оправдание законности заключения подозреваемого под стражу. Изучение уголовных дел показало, что после процессуального задержания подозреваемого в порядке ст. 122 УПК РСФСР (ст. [91 УПК РФ](#)) в 83% (!) случаев применяется мера пресечения, связанная с лишением свободы, т.е. заключение под стражу, сохраняясь в 75% случаев после предъявления обвинения. Такое исключительное применение данной меры пресечения в отношении подозреваемого вынуждает следователя перед прокурором оправдывать обоснованность ее использования, дабы не быть уличенным в заведомо незаконном заключении под стражу по ст. 301 УК РФ.

Помимо этого, отличие подозрения от обвинения заключается в содержании правомочий подозреваемого и обвиняемого. В частности, подозреваемый не имеет права знакомиться с материалами, направляемыми в суд в подтверждение законности продления срока содержания под стражей, поскольку этот срок продлению не подлежит, а подозреваемый или освобождается из-под стражи или ему предъявляется обвинение и др.

Таким образом можно сделать вывод, что подозрение в уголовном процессе занимает место предварительного этапа привлечения лица к уголовной ответственности, которое в свою очередь является частью уголовного преследования. Такой принципиальный подход к определению места подозрения в системе уголовно-процессуальной деятельности нужен обеим сторонам. Он позволяет эффективно работать не столько на конечный результат обвинения или осуждения, сколько на всестороннее, полное и

¹⁹ Шадрин В.С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. Волгоград, 1999. С. 114.

объективное исследование обстоятельств дела с тем, чтобы конституционные права личности, оказавшейся под подозрением, были минимально ущемлены со стороны органов уголовного преследования.

§ 2. Основания подозрения лица в причастности к совершению преступления

В основе подозрения как уголовно-процессуального явления лежит информация, которой обладает следователь или дознаватель о причастности конкретного лица к расследуемому преступлению. При этом информация, из содержания которой следует вывод о совершении лицом преступления, может быть получена органом уголовного преследования как из оперативных, так и процессуальных источников.

Наличие информации, свидетельствующей о причастности лица к преступлению, во многом определяет характер деятельности органа расследования на этапе подозрения и его отношение к заподозренному лицу. Если у следователя имеются, к примеру, лишь неподтвержденные оперативные данные, то их необходимо тщательно проверить, прежде чем вовлекать заподозренное лицо в уголовное дело, поскольку есть большая вероятность того, что этот человек к расследуемому делу или не имеет никакого отношения, или может участвовать в нем в качестве свидетеля. А преждевременная постановка лица в статус подозреваемого с последующим применением к нему процессуального принуждения может повлечь за собой неблагоприятные последствия как для самого лица, так и для органа уголовного преследования. Следователем на этапе подозрения может быть собран такой уличающий материал, что объективно порождает у него обоснованное подозрение против лица и позволяет вовлечь его в уголовное дело в качестве подозреваемого, допросить и, при необходимости, применить меру принуждения. Однако, неопределенность термина “по подозрению”, закрепленного в ст. 91 УПК РФ, не дает органу уголовного преследования на этапе подозрения возможность предельно четко обозначить круг обстоятельств, при которых действительный свидетель будет отграничен от фактического подозреваемого.

В уголовно-процессуальной деятельности есть несколько ситуаций, объективно позволяющих органу уголовного преследования заподозрить лицо в совершении преступления.

1. Указание лица в постановлении о возбуждении уголовного дела как участника преступления.

По смыслу уголовно-процессуального закона уголовное дело возбуждается не в отношении лица, а *по факту преступления*. В ч. 2 ст. 21 УПК РФ сказано, что “В каждом случае обнаружения признаков преступления прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают... меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления”.

Тем не менее, в следственной практике нередки случаи, когда в момент решения вопроса о возбуждении уголовного дела лицо, причастное к преступлению, уже известно.

В Уголовном кодексе РФ есть составы преступлений, которые сформулированы таким образом, что событие преступления неразрывно связано с действиями конкретного лица. Это, например, нарушения правил дорожного движения (ст. 264 УК РФ), злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), дезертирство (ст. 338 УК РФ), самоуправство (330 УК РФ) и др. Данные о лице, которое совершило такого рода преступления, как правило, фиксируются в постановлении о возбуждении уголовного дела.

То, что по фактам очевидных преступлений возбуждаются уголовные дела в отношении конкретных лиц, находит подтверждение в самом федеральном законодательстве в виде положений: “Уголовное дело в отношении судьи может быть возбуждено...” (ст. 16 закона РФ “О статусе судей в Российской Федерации”); “возбуждение против них (имеются в виду прокурор и следователь прокуратуры) уголовного дела...” (ст. 42 закона РФ “О прокуратуре Российской Федерации”); “... в отношении священнослужителя” (п. 11 ст. 5 УПК РСФСР); “лицо, в отношении которого... возбуждено уголовное дело в связи с подозрением его в совершении преступления...” (ч. 1 ст. 68 УПК Республики Казахстан) и др.

Исключить на практике случаи, когда уголовное дело возбуждается в отношении конкретного лица, практически невозможно. И они довольно распространены. Проведенное в ряде регионов страны обобщение судебно-следственной практики показало, что в 820 случаях из 1109 уголовных дел, рассмотренных народными судами Вологодской и Самарской областей, в постановлении о возбуждении уголовного дела указано конкретное лицо как предположительно совершившее преступление²⁰. В любом случае указание в постановлении о возбуждении уголовного дела фамилии, имени, отчества лица как субъекта преступления есть ни что иное, как выражение органом уголовного преследования подозрения против этого лица. А поскольку данные о лице, совершившем такого рода преступления, нередко фиксируются в постановлении о возбуждении уголовного дела, то

---

²⁰ Шадрин В.С. Указ. соч. С. 113 ⇨ 114.

некоторыми учеными предлагается считать лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело, подозреваемым²¹.

Эта же позиция получила отражение в **новом УПК РФ**. Согласно п. 1. ч.1 ст. 46 УПК РФ подозреваемым является лицо “в отношении которого возбуждено уголовное дело по основаниям и в порядке, которые установлены главой 20 настоящего Кодекса”.

Из этого следует вывод, что если лицо совершило **любое** преступление и данные о нем были зафиксированы в постановлении о возбуждении уголовного дела, то это лицо признается подозреваемым.

Вариант постановки лица, в отношении которого возбуждено уголовное дело, в статус подозреваемого неоднократно вызывал обоснованную критику юристов, отмечавших ряд недостатков данной нормы. Так, А.М. Ларин, Э.Б. Мельникова и В.М. Савицкий указывали, что в данном случае отсутствует четкий механизм надлежащего информирования такого подозреваемого о существующем подозрении и принадлежащих ему процессуальных правах, т.е. неясно, когда лицо, производящее расследование, обязано разъяснить подозреваемому его права, а также обеспечить осуществление этих прав²².

Кроме этого, В.П. Малков заранее усматривал, что в предлагаемой новелле процессуальное положение заподозренного лица окажется в зависимости от того, укажет или не укажет следователь данные о нем в постановлении о возбуждении дела²³.

Вместе с тем, по пути признания подозреваемым лица, в отношении которого возбуждено уголовное дело, пошло законодательство не только российское, но и бывших союзных республик. Так, в УПК Республики Казахстан в ч. 7 ст. 286 закреплено, что “лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело, допрашивается в качестве подозреваемого”.

Критикуя такой вариант появления в уголовном процессе подозреваемого, еще М.С. Строгович утверждал, что “постановление о возбуждении уголовного дела не может ставить лицо в положение подозреваемого потому, что оно выносится до начала следствия, до проверки материалов, служивших

---

²¹ Карнеева Л.М. Подозреваемый в советском уголовном процессе // Социалистическая законность. 1959. № 4. С. 35; Денежкин Б.А. Указ. соч. С. 29.

²² Ларин А.М., Мельникова Э.Б., Савицкий В.М. Уголовный процесс России: Лекции-очерки. М., 1997. С. 157.

²³ Малков В.П. Комментарий к главам “Доказательства” и “Возбуждение уголовного дела” // Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / Под ред. В.И. Радченко, В.Т. Томина. Изд. 2-е, перераб. М., 1999. См. также: Башкатова Л., Ветрова Г. О состязательности // Российская юстиция. 1995. № 1. С. 19.

поводом к возбуждению дела”²⁴. С мнением М.С. Строговича солидарны С.П. Бекешко и Е.А. Матвиенко, которые считают, что данное предложение “теоретически и практически несостоятельно”. Лицо, против которого возбуждено уголовное дело, может стать подозреваемым только в ходе предварительного расследования, если подтвердятся данные о его причастности к преступлению, и исключительные обстоятельства потребуют применения к нему мер процессуального принуждения, то есть вовлечения его в производство по уголовному делу в качестве участника процесса до привлечения к уголовной ответственности²⁵.

Учитывая изложенное, следует отметить, что предложение о признании лица подозреваемым актом вынесения постановления о возбуждении уголовного дела не выдерживает критики и, думается, не согласуется с логикой закона.

Безусловно, факт вынесения постановления о возбуждении уголовного дела с указанием данных лица, в отношении которого оно возбуждено, имеет важное юридическое значение, поскольку этим констатируется возникновение правоотношения между органом уголовного процесса, возбуждившим дело, и гражданином. Но из этого никак не следует, что данное обстоятельство автоматически ставит человека в процессуальное (юридическое) положение подозреваемого по уголовному делу. Необходимо учитывать, что большинство уголовных дел возбуждается не в отношении конкретного лица, а по факту преступления. Изучение практики расследования преступлений показало, что большинство следователей при изложении постановления о возбуждении уголовного дела стремится избегать ссылки на данные лица, причастного к совершению преступления, хорошо сознавая, что тем самым они порождают для себя не урегулированные

---

²⁴ Строгович М.С. О подозреваемом // Социалистическая законность. 1961. № 2. С. 35.

²⁵ Бекешко С.П., Матвиенко Е.А. Подозреваемый в советском уголовном процессе. Минск, 1969. С. 33 – 34.

законом проблемы в дальнейших взаимоотношениях с этим лицом и его адвокатом.

В тех же случаях, когда избежать указания данных лица (фамилии, имени, отчества и др.) в постановлении о возбуждении уголовного дела невозможно, имеет место не признание данного лица подозреваемым, а появление **основания подозрения**. Признание же органом уголовного преследования лица подозреваемым, т.е. субъектом уголовно-процессуальной деятельности, требует специального, отдельного решения.

2. Явка лица с повинной.

В уголовно-процессуальной деятельности возможна ситуация, когда лицо добровольно приходит в орган дознания или следствия с устным или письменным заявлением о совершении им преступления. Данный факт законодательно закреплён в виде явки с повинной (п. “и” ч. 1 ст. 61 УК РФ; п. 2 ч. 1 ст. 140 и ст. 142 УПК РФ).

Особенность явки с повинной заключается, во-первых, в том, что орган уголовного преследования получает сведения из одного источника и о признаках преступления, и о лице, его совершившем и, во-вторых, в том, что явившийся с повинной гражданин признается в совершении им преступления. Несомненно одно – явка лица, совершившего преступление, с повинной, в стадии как возбуждения уголовного дела, так и предварительного расследования, ставит данное лицо до вынесения ему обвинения под подозрение. В связи с этим в практике расследования преступлений возникает как минимум два вопроса: каков процессуальный статус этого лица и чем является явка с повинной для следователя?

По мнению М.Ю. Рагинского, лицо, явившееся с повинной, не может рассматриваться в качестве подозреваемого в процессуальном смысле. Ему следует либо предъявить обвинение (если для этого имеются достаточные основания) и допросить в качестве обвиняемого, либо применить к нему

любую меру пресечения и допросить в качестве подозреваемого²⁶. Однако, с таким утверждением трудно согласиться. Предъявление обвинения, на наш взгляд, в этом случае преждевременно, поскольку требует до обвинения допроса явившегося лица и проверки его показаний. В этой связи мы поддерживаем Н.А. Козловского, который критически оценивает данную позицию постановкой вопроса: “Но откуда к моменту явки с повинной лица может быть накоплено достаточно данных, чтобы тут же ему предъявить обвинение? Ведь о преступлении стало известно только от лица, явившегося с повинной. Как быть, если таких данных нет? Вряд ли можно согласиться с тем, что в таком случае нужно избирать меру пресечения. При такой трактовке причина подменяется следствием, поскольку мера пресечения избирается не для того, чтобы признать лицо подозреваемым, а наоборот, является следствием признания лица подозреваемым”²⁷.

Оригинальной видится позиция И.С. Галкина и В.Г. Кочеткова, которые считают, что явка с повинной относится к числу данных, дающих основание подозревать лицо в совершении преступления, но лишь при условии, если это лицо не имеет постоянного места жительства или когда с достоверностью не установлена его личность²⁸. Нетрудно заметить, что здесь явку с повинной относят к “иным данным”, предусмотренным в [ч. 2 ст. 91 УПК РФ](#). Однако, вызывает возражение связь явки с повинной как основания для подозрения с наличием сведений о личности или постоянном месте жительства. При таком подходе получается, что если лицо добровольно заявляет о совершении им преступления и при этом предъявляет свой паспорт с регистрацией по месту постоянного пребывания, то нет основания для подозрения, каковое, на наш взгляд, возбуждает явка с повинной. Искусственность такого положения

---

²⁶ Комментарий к УПК РСФСР / Под ред. А.М. Рекунова, А.К. Орлова. М., 1968. С. 27 – 28.

²⁷ Козловский Н.А. Подозрение в советском уголовном процессе: Дисс. канд. юрид. наук. Свердловск, 1989. С. 130.

²⁸ См.: Галкин И.С., Кочеткова В.Г. Процессуальное положение подозреваемого. М., 1968. С. 27 – 28.

очевидна. Кроме того, [ст. 141](#) ➔ [ст. 142 УПК РФ](#) прямо обязывает устанавливать личность явившегося с повинной.

Как известно, уголовный процесс предусматривает письменную форму регистрации преступлений. Поэтому поводами к возбуждению уголовного дела в ч. 1 [ст. 140 УПК РФ](#) называются в основном заявления и сообщения, которые могут быть письменными или устными. Устные заявления, в свою очередь, подлежат занесению в протокол. На этом фоне термин “явка с повинной” как повод к возбуждению дела выглядит не совсем корректно, поскольку приближен к уголовно-правовой терминологии. В науке давно утвердилось мнение, что поводом к возбуждению уголовного дела в данном случае является не сам факт явки с повинной, а заявление о явке с повинной. Учитывая такой момент, [ст. 142 УПК РФ](#) следующим образом дает его определение: “[Заявление о явке с повинной – добровольное сообщение лица о совершенном им преступлении](#)”.

В уголовно-процессуальной деятельности заявление о явке с повинной может быть сделано как в стадии возбуждения уголовного дела, так и в стадии предварительного расследования.

В стадии возбуждения уголовного дела необходимо учитывать два варианта развития такой ситуации:

а) когда органу расследования впервые становится известно о факте преступления из заявления лица, совершившего преступление;

б) когда лицо является с повинной уже после регистрации заявления или сообщения о преступлении, но до вынесения постановления о возбуждении уголовного дела.

В том случае, когда лицо является с повинной до возбуждения уголовного дела, составляется протокол явки с повинной, который, чаще всего, является поводом к возбуждению уголовного дела. При этом от лица, явившегося с повинной, могут быть получены только объяснения. Показания же, как

доказательства, могут быть, как известно, получены только путем следственного действия – допроса лица, поставленного в процессуальное положение подозреваемого.

Если лицо явилось с повинной после возбуждения уголовного дела, но до вынесения постановления о привлечении его в качестве обвиняемого, то в этом случае, как и в случае явки с повинной до возбуждения уголовного дела, факт добровольного прихода лица должен быть зафиксирован соответствующим протоколом. Здесь протокол явки с повинной служит одной цели – закреплению факта добровольного прихода лица, который в дальнейшем может быть оценен как обстоятельство, смягчающее наказание, или как основание [прекращения уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием \(ст. 75 УК РФ, ст. 28 УПК РФ\)](#).

Случаи явки с повинной до и после возбуждения уголовного дела объединяет то, что для следователя явившееся с повинной лицо является никем иным как заподозренным лицом, т.е. появляется фактическое подозрение. Саму же явку с повинной необходимо расценивать не как основание признания лица подозреваемым, а как одно из **оснований подозрения**.

Вместе с тем, особо следует подчеркнуть одно обстоятельство. Пленум Верховного Суда РФ в п. 4 постановления № 40 от 11 июня 1999 г. “О практике назначения судами уголовного наказания” указал, что “при решении вопроса о том, имело ли место такое смягчающее обстоятельство, предусмотренное пунктом “и” ч. 1 ст. 61 УК РФ, как явка с повинной, судам необходимо проверять, являлось ли заявление, поданное в органы расследования, или сообщение (в любой форме) о преступлении, сделанное должностному лицу органа расследования, *добровольным и не связано ли это с тем, что лицо было задержано в качестве подозреваемого и подтвердило свое участие в совершении преступления*”.

Комментируя это постановление, следует отметить, что в нем четко прослеживается связь лица, явившегося с повинной, с подозреваемым по уголовному делу. Если лицо явилось с повинной, то оно должно пребывать не в положении свидетеля или сразу получить статус обвиняемого, а должно с самого начала приобрести статус подозреваемого. Поэтому, указанная норма постановления требует, прежде всего от следователя, обращения с лицом, явившимся с повинной, как с фактическим подозреваемым.

3. Задержание лица при обстоятельствах, указанных в ст. 91 УПК РФ.

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации предусмотрена возможность вовлечения лица в уголовный процесс путем его задержания. Данное обстоятельство получило нормативное закрепление в **ст. 91 УПК РФ**, в соответствии с которой орган дознания, **следователь или прокурор** вправе задержать лицо по подозрению в совершении преступления в случае: 1) когда это лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения; 2) когда **потерпевшие или очевидцы укажут** на данное лицо как на совершившее преступление; 3) когда **на этом лице или** его одежде, при нем или в его жилище будут обнаружены явные следы преступления; 4) наличия иных данных, дающих основания подозревать лицо в совершении преступления, но при условии если: а) это лицо **пыталось скрыться**, б) не имеет постоянного места жительства, в) не установлена его личность, г) **прокурором, а также следователем или дознавателем с согласия прокурора в суд направлено ходатайство об избрании в отношении лица меры пресечения в виде заключения под стражу.**

Советский законодатель, создавая нормативную базу деятельности органов дознания в УПК РСФСР 1960 г., исходил из того, что если основной функцией милиции является охрана общественного порядка, то она первая реагирует на факт совершения преступления путем **физического задержания** лица, его совершившего, т.е., в частности, действует в соответствии с

положением, описанном в п. 1 ч. 1 ст. 122 УПК РСФСР (п. 1 ч. 1 ст. 91 УПК РФ). На наш взгляд, *содержание* указанной статьи позволяет сделать вывод, что применение задержания в *установленном порядке* осуществляется преимущественно до возбуждения уголовного дела и вне сферы действия уголовного процесса.

Однако с течением времени оказалось, что форма (название) ст. 91 УПК РФ (ст. 122 УПК РСФСР) не соответствует ее содержанию, что породило двусмысленность толкования как правоприменителем, так и учеными, термина “задержание”.

Во-первых, если исходить из названия статьи 91 УПК РФ, то получается, что подозреваемого можно задержать исключительно после возбуждения уголовного дела, так как: а) лицо получает данный статус только на стадии предварительного расследования и на других стадиях уголовного процесса его не существует; б) субъектами такого задержания выступают не сотрудники милиции, а дознаватель и следователь. *Во-вторых,* в процессуальной науке задержание зачастую пытаются сравнить с мерами пресечения, точнее, с одной – арестом²⁹. Но меры процессуального принуждения (привод, отстранение от должности и др.), в том числе меры пресечения, применяются исключительно после возбуждения уголовного дела. Это подтверждается и *нормой ст. 92 УПК РФ, согласно которой* “после доставления подозреваемого в орган дознания, к следователю или прокурору в срок не более 3 часов должен быть составлен протокол задержания...”. *Указанные субъекты* производят *процессуальное задержание* на срок до 48 часов, поскольку в их понятии задержание – это краткосрочный арест как мера процессуального принуждения.

---

²⁹ Бекешко С.П., Матвиенко Е.А. Указ. соч. С. 87; Похмелкин В.А. Задержание по советскому уголовно-процессуальному законодательству // Советское государство и право. 1958. № 12. С. 103.

Таким образом, можно наблюдать различное толкование термина “задержание”, которое имеет два несовпадающих значения – как задержание фактическое (физическое) и юридическое (уголовно-процессуальное). Как справедливо заметил В.М. Савицкий, в терминологических системах процессуального закона (уголовного, гражданского, административного) нередко встречаются “несоответствия термина понятию (ложная ориентация термина)”³⁰. По нашему мнению, подобный случай и наблюдается при использовании термина “задержание”.

Для того, чтобы по возможности избежать различного толкования термина “задержание”, необходимо ответить на вопрос: кто в своей деятельности применяет фактическое (физическое) задержание, а кто юридическое (уголовно-процессуальное)? Бесспорно, первое, как уже отмечалось ранее, применяет сотрудник милиции, для которого это форма реагирования на преступление, а второе – следователь, для которого это мера процессуального принуждения, препятствующая лицу, а точнее, уже подозреваемому, скрыться от расследования. Причем фактическое задержание в большинстве случаев всегда предшествует юридическому.

Следователь, на наш взгляд, не вправе задерживать лицо по тем основаниям, которые перечислены в ст. 91 УПК РФ. Эти обстоятельства (случаи) являются основаниями не процессуального, а физического задержания лица сотрудниками милиции, осуществляющими охрану общественного порядка. Перед следователем же вопрос о процессуальном задержании встает только после возбуждения уголовного дела. Но прежде, чем составить протокол по ст. 92 УПК РФ, следователь должен получить данные от фактически задержанного человека, т.е. выслушать его объяснения

---

³⁰ Савицкий В.М. Язык процессуального закона. М., 1987. С. 23.

по поводу его задержания, что процессуально возможно только путем проведения допроса³¹.

Поскольку физически задержанный человек связан с ситуацией его очевидной причастности к преступлению, то для следователя он есть не кто иной, как заподозренное лицо, т.е. лицо, фактически подозреваемое в совершении преступления. Поэтому само задержание, хотя и отнесено к внепроцессуальной деятельности, чаще всего органов милиции, но для следователя факт такого задержания и его оформление рапортами работников милиции, объяснениями лиц, изъятыми материалами означает появление основания для подозрения.

Если провести до конца логическую схему деятельности следователя в данной ситуации, то, на наш взгляд, ему необходимо принять решение об официальном признании физически задержанного лица подозреваемым по уголовному делу, допросить его в качестве подозреваемого и только затем решать вопрос об уголовно-процессуальном задержании, т.е. кратковременном лишении его свободы на срок до **48 часов по УПК Российской Федерации**.

Сам факт задержания лица на месте преступления или непосредственно после его совершения когда очевидцы прямо указывают на данное лицо как на совершившее преступление и т.д., означает не что иное, как задержание по подозрению. Поэтому следователь после принятия уголовного дела к своему производству, располагая данными о том, что лицо ранее было физически задержано в связи с названными в ст. 91 УПК РФ обстоятельствами, неизбежно оказывается в состоянии подозрения по отношению к этому лицу.

4. Наличие в уголовном деле доказательств, указывающих на лицо как на участника преступления.

---

³¹ Более подробно см.: Ретюнских И.А. Процессуальные проблемы задержания лица по подозрению в совершении преступления: Автореф. дисс. канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001.

Предыдущие три ситуации: возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица, явка с повинной и задержание лица по подозрению в совершении преступления в той или иной степени рассматривались юристами в уголовно-процессуальной науке в связи с подозрением. Однако эти ситуации не исчерпывают перечень случаев возникновения у следователя подозрения.

Зачастую в ходе предварительного расследования в деле появляются доказательства, прямо указывающие на причастность лица к совершению преступления. Как правило, это показания потерпевших, свидетелей-очевидцев, соучастников преступления – подозреваемых или обвиняемых, протоколы опознаний, обысков, выемки, освидетельствования и др. Если в результате закрепления и оценки таких доказательств следователь пришел к выводу о причастности лица, на которое эти доказательства указывают, к совершению преступления, то это означает, что у органа расследования сложилось обоснованное подозрение.

Так, следователем было возбуждено уголовное дело по факту хищения чужого имущества по признакам ч. 2 ст. 144 УК РСФСР (ч. 2 ст. 158 УК РФ). В ходе расследования в качестве свидетеля был допрошен П., который в своих показаниях указал следующее: “13 февраля я встретил М. с его другом. Они шли мне навстречу, держа в руках четыре пакета. На предложение приобрести у них тушенку в банках, сгущенку, какао и жевательную резинку, я ответил согласием и купил 11 банок тушенки. О краже в магазине я в это время не знал. Днем ко мне пришел следователь и сообщил о совершенной краже из магазина, после чего я позвонил капитану милиции Н., которому сообщил про увиденную в пакете М. тушенку...”³². Очевидно, что при таких обстоятельствах М. должен быть допрошен по уголовному делу. В качестве кого его допросить? Если М. предварительно физически не задержан, не

---

³² Архив Военного суда г. Екатеринбурга. 1997. Уголовное дело № 88.

явился с повинной и, разумеется, его фамилия не указана в постановлении о возбуждении уголовного дела, то, казалось бы, прямых традиционных оснований для подозрения нет. Однако понятно, что для добросовестного следователя М. свидетелем не является и таковым не может допрашиваться. Распространенная практика допроса подобного лица свидетелем не только не соответствует статусу этого субъекта, но и не дает эффективного результата при расследовании уголовных дел, так как такой свидетель, используя конституционное право, предусмотренное ст. 51 Конституции РФ, чаще всего отказывается от дачи показаний. Если же следователь под угрозой уголовной ответственности за отказ от дачи показаний или за дачу заведомо ложных показаний добивается правдами и неправдами получения показаний такого лица, то это в любом случае связано, как свидетельствует изученная практика, с нарушением прав и законных интересов личности.

Поэтому думается, что и в данном случае процессуальное положение лица должно определяться тем фактическим состоянием отраженных в уликах доказательств, которое оно в действительности занимает по уголовному делу, а также тем психологическим отношением, которое испытывает следователь по отношению к такому лицу. Иными словами, это состояние подозрения, которое должно получить официальное выражение и которое ставит во взаимовыгодное положение и органы уголовного преследования, и лицо, против которого оно обращено.

Таким образом, четвертым **основанием подозрения** в уголовном процессе должно быть наличие в уголовном деле доказательств, указывающих на лицо как на участника преступления.

5. Наличие у лица, производящего расследование, иных данных, свидетельствующих о причастности гражданина к совершению преступления.

Как отмечалось, критерием подозрения в уголовном процессе необходимо признавать, в конечном счете, психологическое подозрение следователя, сформировавшееся у него на основе тех или иных фактических данных. Перечень оснований подозрения будет неполным, если не назвать еще одно.

Специфика рассмотренных первых четырех оснований в том, что все они имеют прямое отражение в материалах уголовного дела, поскольку вытекают из процессуальных источников: постановления о возбуждении уголовного дела; протокола явки с повинной; материалов физического задержания лица; доказательств, свидетельствующих о причастности лица к преступлению. Нередко при отсутствии той или иной из этих ситуаций следователь в ходе расследования уголовного дела формирует убеждение о причастности конкретного лица к расследуемому преступлению. Это происходит большей частью на основе оперативно-розыскной информации, а нередко — путем выдвижения версий. В первом случае информация прямо свидетельствует против этого лица, во втором — следователь, исходя из оценки обстоятельств преступления, приходит к вероятному выводу о причастности к нему того или иного лица. В случае появления этого лица в уголовном деле и необходимости его допроса следователь обязан определиться с его процессуальным положением. Если предмет допроса такого лица не охватывает обстоятельства причастности к преступлению, т.е. следователь не выражает к допрашиваемому своего подозрения, то нет никаких препятствий для допроса лица в качестве свидетеля. Если же следователь в той или иной форме предъявляет лицу подозрение (а конкретно это выражается в постановке перед допрашиваемым вопросов о его *собственных* действиях в связи с преступлением), то свидетелем данное лицо быть не может. Оно должно приобрести наиболее соответствующий его реальному положению статус подозреваемого с официальным предъявлением имеющегося

подозрения и быть допрошено в качестве данного участника уголовного процесса.

Поскольку в этом случае основание подозрения в материалах уголовного дела не отражено и со стороны не может быть проконтролировано, то данная ситуация всецело остается “на совести” лица, производящего расследование. Здесь оно оказывается перед выбором – рассматривать фактически заподозренное лицо свидетелем и допросить его таковым, соблюдая при этом положения ст. 51 Конституции РФ и нормы, регламентирующие правовое положение свидетеля, либо выдвинуть против лица подозрение и действовать по отношению к нему как к полноценному подозреваемому, соблюдая его права и законные интересы, в первую очередь право на защиту.

Таким образом, наличие любой из пяти перечисленных ситуаций, свидетельствующих о причастности лица к совершенному преступлению, означает появление оснований подозрения, что должно исключить для заподозренного лица статус свидетеля и повлечь приобретение им процессуального положения подозреваемого с соответствующими правами и обязанностями.

Следует подчеркнуть, что предложенные ситуации являются лишь основаниями уголовно-процессуального подозрения, т.е. сами по себе не могут расцениваться как факты появления в уголовном деле подозреваемого. При наличии у следователя основания подозрения он вправе, но не обязан, вовлечь лицо в дело в качестве подозреваемого. В противном случае, фигура подозреваемого станет обязательной при расследовании уголовных дел, а предъявление обвинения превратится в чисто формальную процедуру.

Но впрочем, и не это является главным в уяснении роли оснований подозрения. А основное предназначение оснований подозрения, закрепленных в уголовно-процессуальном законе, заключается, по нашему мнению, в создании надежного препятствия вовлечению фактических подозреваемых (заподозренных лиц) в уголовный процесс в качестве свидетелей.

Ведь на сегодняшний день под нормативное определение свидетеля по уголовному делу (“Свидетелем является любое лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела, и которое вызвано для дачи показаний” (ст. 56 УПК РФ) подпадает не только действительный свидетель, но и будущий потерпевший, подозреваемый и обвиняемый, поскольку и каждому из них “могут быть известны какие-либо обстоятельства”.

Поэтому, как только появляется любое из пяти оснований подозрения, то для следователя это означает одно – допрос лица в качестве свидетеля исключен! Если же лицо признается свидетелем, то это должно означать, что оно никак не подпадает под подозрение и обязано давать показания обо всем, что ему известно по расследуемому делу, за исключением сведений о собственных действиях, которые могут быть обращены против него самого, и сведений против близких родственников. Более того, последующий перевод такого свидетеля в статус подозреваемого недопустим. Данное уточнение понятия свидетеля обусловлено такими факторами, как положения ст. 51 Конституции РФ, приоритет прав и свобод личности, присущий правовому государству, а также обеспечение права на защиту лица, привлекаемого к уголовной ответственности.

Может показаться, что такое предложение не отвечает задачам предварительного расследования, создает дополнительные препятствия для эффективного раскрытия преступлений. Такие опасения напрасны, так как с полной реализацией ст. 51 Конституции РФ работать с фактическим подозреваемым формально как со свидетелем стало затруднительно. Различные формы давления, применяемые к такому свидетелю, большей частью себя не оправдывают, поскольку суды стали намного строже подходить к оценке заявлений свидетелей о применении к ним в стадии предварительного расследования незаконных методов получения показаний.

Предлагаемый подход к подозрению позволяет, с одной стороны, более эффективно обеспечить права и законные интересы личности в уголовном процессе, а с другой – дать возможность органам уголовного преследования задействовать весь арсенал процессуальных действий, предоставленных законодателем на этапе подозрения.

В заключение данного вопроса следует отметить следующее. Во-первых, предложенные основания подозрения не только соответствуют новым правовым нормам и общественным ценностям, но и дают большие гарантии обеим сторонам – органам уголовного преследования ясно и однозначно ставить человека в то процессуальное положение, которое он действительно занимает по делу, обеспечивая его при этом не только правами, но и требуя от него выполнения определенных обязанностей; личности же предоставляется возможность отстаивать свои интересы через набор тех правомочий, который предоставляется законом тому или иному участнику уголовно-процессуальной деятельности. Во-вторых, основания подозрения служат одному – они требуют от органа уголовного преследования вынесения официального юридического акта подозрения лица в причастности к совершению преступления.

§ 3. Система уголовно-процессуальной деятельности на этапе подозрения

Основания подозрения являются той отправной базой, на которой строится все подозрение как этап привлечения лица к уголовной ответственности на стадии предварительного расследования. Однако это только начало, после которого следует ряд процессуальных действий, образующих в единстве систему подозрения. Как и всякое относительно самостоятельное целое, эта система должна состоять из нескольких элементов, строго упорядоченных между собой и образующих структуру подозрения в уголовном процессе.

В силу известных причин вопрос о системе подозрения в уголовно-процессуальной науке вообще не исследовался. Разумеется, построение любой структуры зависит от избранной концепции автора. В принципиальном подходе идея подозрения выражена в основаниях подозрения. Теперь необходимо, отталкиваясь от них и следуя логике предварительного расследования в современном российском уголовном процессе, определиться со всеми элементами подозрения и расположить их в согласованную систему.

Поскольку основания подозрения объективно возникают в ходе расследования уголовного дела, а сам вопрос о юридическом оформлении подозрения встает только при наличии оснований подозрения, то структурно первым элементом системы подозрения является та процессуальная форма, в которую юридически облачается фактическое подозрение. И здесь необходимо вести речь о привлечении лица в качестве подозреваемого.

1. Привлечение лица в качестве подозреваемого.

Поскольку наука уголовного процесса неоднозначно подходит к субъекту уголовно-процессуальной деятельности, именуемому подозреваемым, ученые расходятся во мнениях не столько в предназначении данного акта, сколько в большей степени в вопросе, каким процессуальным документом лицо вовлекается в дело в качестве подозреваемого.

Так, по мнению Л.М. Карнеевой, формулирование подозрения и появление подозреваемого находит выражение в следующих процессуальных документах: постановлении о возбуждении уголовного дела против конкретного лица; протоколе задержания подозреваемого; постановлении об избрании подозреваемому меры пресечения до предъявления обвинения; протоколе допроса, из содержания которого видно, что допрашиваемому задавались вопросы для получения у него объяснений по поводу его личной деятельности в связи с расследуемым преступлением³³³. Сходной точки зрения

---

³³³ Карнеева Л.М. К вопросу о подозреваемом в советском уголовном процессе // Советская криминалистика на службе следствия. М., 1959. Вып. 12. С. 11.

придерживается А.А. Чувилев, который также считает, что для признания лица подозреваемым необходим процессуальный акт, которым лицо ставится в положение подозреваемого. К числу таких актов автор относит: протокол задержания; постановление о применении меры пресечения до предъявления обвинения; протокол допроса в качестве подозреваемого; протокол об ознакомлении с постановлением о назначении экспертизы, касающейся деятельности подозреваемого; постановление о производстве обыска; постановление о производстве освидетельствования; протокол предъявления для опознания; постановление о наложении ареста на имущество³⁴. По мнению Э. Боровского, лицо является подозреваемым в силу “самых различных обстоятельств, а не только в результате задержания или избрания в отношении него меры пресечения до предъявления обвинения; подозреваемым лицо может стать и в силу применения к нему таких мер процессуального принуждения, как обыск, личный обыск, наложение ареста на корреспонденцию и др.”³⁵.

Таким образом, ученые предлагают разные процессуальные формы признания лица подозреваемым. Считая неприемлемым указанные точки зрения, мы поддерживаем В.С. Шадрин, который полагает, что “поскольку практически невозможно достаточно четко разграничить случаи, когда, например, обыск будет производиться у лица, на основании имеющихся данных заподозренного в совершении преступления, а когда у других лиц, на практике в категорию подозреваемых произвольно станут зачисляться многие граждане, к преступлению никоим образом не причастные”³⁶.

Думается, эта позиция, прежде всего законодателя, не отвечает сути подозрения, месту и назначения мер принуждения в уголовном процессе. В

---

³⁴ Чувилев А.А. Институт подозреваемого в советском уголовном процессе: Автореф. дисс. канд. юрид. наук. М., 1968. С. 34.

³⁵ Боровский Э. Указ. соч. С. 34.

³⁶ Шадрин В.С. Указ. соч. С. 111.

данном случае подозрение определяется через принуждение, опережает его. По мнению советского законодателя, подозреваемый, это тот, к кому до обвинения можно применить меру принуждения. Получается, что в момент применения меры процессуального принуждения лицо вообще не имеет правового положения, т.е. принуждение обращается неизвестно против кого. В настоящее время такой подход ничем не оправдан, ведёт к ограничению прав и законных интересов личности и требует принципиально иного решения.

Меры принуждения должны применяться только после приобретения лицом того или иного процессуального положения и только при тех условиях, которые установлены законом и соответствуют данному правовому статусу. В этой связи следует присоединиться к мнению Л.М. Карнеевой, согласно которому «появление подозреваемого лица определяется не применением к нему этих мер, а, прежде всего, наличием данных, дающих основание подозревать это лицо в совершении преступления и, следовательно, применять к нему меры процессуального принуждения»³⁷. Логически неверным было бы считать, что человека подозревают потому, что к нему применяли уголовно-процессуальное задержание или меру пресечения, а не потому, что для принятия этих мер имеется подозрение в совершении им преступления. Предлагаемый вариант – с возбуждением уголовного дела признавать лицо подозреваемым – также не решает проблемы подозрения и подозреваемого. Совмещать различные процессуальные акты – возбуждение уголовного дела и признание лица подозреваемым ♡, как правильно указывает И.Л. Петрухин, было бы неверным³⁸. Первый из них дает начало производству расследования преступления, а второй определяет процессуальное положение подозреваемого как участника предварительного расследования,

---

³⁷ Карнеева Л.М. Указ. соч. С. 7 ♡ 8.

³⁸ Петрухин И.Л. Задержание / Проблемы кодификации уголовно-процессуального права. М., 1987. С. 56 ♡ 57.

поскольку с момента официального признания лица подозреваемым он наделяется определенным кругом прав и обязанностей. Следовательно, только через официальную, первоначальную постановку подозрения и производную, второстепенную роль принуждения можно полноценно закрепить статус подозреваемого в соответствии с логикой уголовно-процессуальной деятельности.

Существующая законодательная конструкция, закрепленная в ст. 46 УПК РФ, в своей сущности уникальна. И в первую очередь потому, что следствие здесь поставлено на место причины. В связке “подозрение” ↔ “подозреваемый” первый элемент – подозрение, объективно являясь причиной, упоминается в законе только при формальном появлении второго элемента – подозреваемого. Если строго следовать логике советского законодателя, то не подозреваемый появляется в связи со сформировавшимся подозрением, а подозрение формируется только с появлением подозреваемого. Но это не только противоречит логике расследования преступлений, но и действующим философским категориям. Прав поэтому Б.А. Денежкин, утверждая, что “применение к подозреваемому предусмотренных законом мер процессуального принуждения является лишь следствием признания лица подозреваемым”³⁹.

То, что относится к процессуальному задержанию, можно отнести и к мерам пресечения. В законе (ст. 100 УПК РФ) сказано, что мера пресечения может быть применена к подозреваемому. Дословно это означает, что лицо уже является подозреваемым, и к нему применена эта мера. Лицо же, которое ставится в статус подозреваемого самой мерой пресечения, юридически становится подозреваемым лишь после вынесения постановления о применении к нему этой меры и объявления ему об этом. Поэтому следует согласиться с мнением Б.А. Денежкина, согласно которому “правильнее такое

---

³⁹ Денежкин Б.А. Указ. соч. С. 14.

лицо было бы считать заподозренным в совершении преступления, а не подозреваемым⁴⁰.

Такое развитие подозрения вполне логично, если мера пресечения сменяет процессуальное задержание, поскольку, согласно **ч. 2 ст. 94 УПК РФ** в течение срока задержания органом уголовного преследования должен быть решён вопрос о заключении подозреваемого под стражу, **в противном случае подозреваемый подлежит освобождению**. Если же применение меры пресечения до предъявления обвинения рассматривать в чистом виде, вне связи с процессуальным задержанием, то возникает ряд вопросов, большей частью тех же, что и при процессуальном задержании. Так, если к лицу сразу применить **заключение под стражу**, то к какому субъекту уголовного процесса применена эта мера пресечения? Справедливо по данной проблеме мнение А.А. Давлетова. Он утверждает, что “законодатель советского периода, не будучи озабоченным тонкостями “прав и свобод человека”, дал в качестве критерия определения процессуальной судьбы гражданина меру процессуального принуждения – задержание и меру пресечения. Сначала задержать, арестовать, а затем разобраться – принцип оправданный и неоспоримый, а главное, понятный и беспроблемный еще в недавнем в нашем прошлом... В настоящее же время определение статуса лица по уголовному делу через меру принуждения выглядит явным анахронизмом, поскольку противоречит не только идее правового государства, но и многим положениям УПК, а также элементарной логике предварительного расследования⁴¹”.

Действительно, в уголовном процессе лицо в течение определенного периода времени может оставаться подозреваемым и после истечения предельного срока процессуального задержания, и тогда мера пресечения, **а, по сути, с принятием нового УПК РФ таковой является лишь одна –**

---

⁴⁰ Там же. С. 100.

⁴¹ Давлетов А.А. Подозрение и защита: Учеб.-практ. пособие. Екатеринбург, 1997. С. 20.

заключение под стражу (п. 3 ч. 1 ст. 46 УПК РФ), действует до вынесения постановления о привлечении к делу в качестве обвиняемого. Более того, к лицу, которое еще не является обвиняемым, в порядке исключения можно и нужно применять одну из мер пресечения. Но применяться она должна к заподозренному лицу, которое официально поставлено в процессуальный статус подозреваемого. В настоящее же время и процессуальное задержание, и **заклучение под стражу** согласно закону применяются к лицу, которое не имеет своего собственного процессуального положения.

Горько сознавать, что возлагавшиеся надежды на новый Уголовно-процессуальный кодекс РФ не сбылись, поскольку очевидно, что положения ст. 46 УПК РФ не вписываются в рамки правового государства, а следовательно, их необходимо приводить в соответствие с требованиями Конституции РФ о приоритете прав и свобод человека. Приведением в нормальное положение всей цепочки “от подозрения к подозреваемому и от него к мерам принуждения” явилось бы официальное выдвижение против лица подозрения, возможное только в форме специального решения органа уголовного преследования – постановления о привлечении лица в качестве подозреваемого.

Понимая уязвимость признания лица подозреваемым через меры принуждения многие авторы предложили необходимым вынесение постановления о привлечении лица в качестве подозреваемого.

Одна группа процессуалистов, выступая за данное постановление, предлагает считать его дополнительным вариантом появления подозреваемого в уголовном процессе⁴². Так, согласно точке зрения Н.Н. Коротких, “мотивированное постановление о привлечении в качестве подозреваемого должно быть

---

⁴² Ривкин М. Положение подозреваемого в процессе предварительного следствия // Рабочий суд. 1924. № 8 ◀ 10. С. 112; Асташенко В.Г. О появлении подозреваемого в советском уголовном процессе // Вопросы государства и права. Томск, 1968. Т. 199. С. 179 ◀ 180; Ямпольский А.Е. Указ. соч. С. 193; Михайленко А.Р. Подозреваемый при возбуждении уголовного дела // Учен. зап. СЮИ. 1970. Вып. XIX. Ч. 2. С. 253.

вынесено во всех случаях (за исключением тех, когда лицо задержано по подозрению в совершении преступления либо к нему применена мера пресечения), когда собранные доказательства указывают на конкретное лицо как на совершителя преступления, однако при условии, что их еще недостаточно для предъявления обвинения и нет оснований к применению задержания либо меры пресечения или же их применение нецелесообразно”⁴³. По мнению Б.А. Денежкина, “процессуальным актом, определяющим положение лица, вовлекаемого в процесс... может служить специальное постановление следователя о признании лица подозреваемым в случаях, не предусмотренных ст. 52 УПК РСФСР”⁴⁴.

Другая группа ученых придерживается мнения, что данное постановление необходимо выносить в чистом виде, без каких-либо оговорок на положения ст. 46 УПК РФ⁴⁵. А.В Солтанович утверждает, что только вынесение указанного постановления, а не проведение следственных действий или применение к лицу процессуального принуждения с закреплением в соответствующих постановлениях и протоколах, может ставить лицо в положение подозреваемого и, естественно, предшествовать по времени допросу подозреваемого, ознакомлению с постановлением о назначении экспертизы с его участием, производству обыска, наложению ареста на имущество, освидетельствованию, предъявлению для опознания⁴⁶. З.Д. Еникеевым верно замечено, что в фактическом смысле фигура подозреваемого может возникнуть и в случаях, когда лицо не подвергается процессуальному задержанию или мере пресечения, дело возбуждено не

---

⁴³ Короткий Н.Н. Указ. соч. С. 65.

⁴⁴ Денежкин Б.А. Указ. соч. С. 32-33.

⁴⁵ Михайленко А.Р. О законности признания лица подозреваемым в уголовном процессе // Проблемы правоведения. Киев, 1979. Вып. 39. С. 113-114; Короткий Н.Н. Указ. соч. С. 29; Кокорев Л.Д. Участники уголовного процесса // Проблемы кодификации уголовно-процессуального права. М., 1987. С. 47; Абдрахманов Р.С. Правовое положение подозреваемого в советском уголовном процессе. Минск, 1990. С. 50.

⁴⁶ Солтанович А.В. Указ. соч. С. 43, 47.

против него, а, скажем, по факту преступления. Поэтому возникает вопрос о процедуре, процессуальном оформлении выдвижения фактического подозрения. В подобных случаях, отмечает З.Д. Еникеев, правильно было бы вынесение постановления о привлечении лица к участию в деле в качестве подозреваемого⁴⁷. Следует отметить, что из всех современных проектов УПК только в одном из них – Теоретической модели УПК РСФСР 1990 г. – такое предложение выносилось на законодательный уровень. В нем раскрывается понятие подозреваемого и однозначно сказано, что “о привлечении лица к участию в деле в качестве подозреваемого выносится постановление” (ст. 41). Более того, из всех действующих УПК бывших союзных республик только в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Узбекистан (введен в действие с 1 апреля 1995 г.) в ст. 47 закреплено положение, согласно которому “подозреваемый ➤ это лицо, в отношении которого в деле имеются данные о совершении им преступления, но недостаточные для привлечения его к участию в деле в качестве обвиняемого. О признании лица подозреваемым дознаватель, следователь или прокурор выносит постановление”.

Оценивая взгляды юристов на рассматриваемый вопрос, необходимо отметить, что до начала “перестройки” ученые стремились сохранить “букву закона” и не подвергали сомнению подход законодателя к определению подозреваемого. С курсом на построение правового государства юристы все чаще стали указывать на недостатки действующего законодательства в части подозрения и вполне обоснованно пришли к выводу о необходимости признания лица подозреваемым путем вынесения специального постановления об этом. Думается, что только таким образом в российском уголовном процессе может официально появиться подозреваемый как участник уголовного судопроизводства.

---

⁴⁷ Еникеев З.Д. Указ. соч. С. 75.

Может возникнуть закономерный вопрос, а не повлечет ли введение в уголовно-процессуальную деятельность нового документа, выносимого при признании лица подозреваемым, увеличение формализма при производстве расследования? Н.А. Козловский, к мнению которого следует присоединиться, пишет, что на данный вопрос следует дать только отрицательный ответ потому, что “во-первых, это постановление... необходимо в силу того, что оно влечет определенные юридические последствия. Именно на основании этого документа лицо ставится в положение подозреваемого со всеми вытекающими отсюда последствиями. Во-вторых, на данном этапе предварительного расследования подозреваемый становится центральной фигурой в производстве по уголовному делу, вокруг которого сосредоточивается весь доказательственный материал. Поскольку подозреваемый не может находиться длительное время в этом качестве, то, естественно, все усилия органов следствия и дознания должны быть направлены как на доказывание подозрения, так и на его опровержение (ст. 20 УПК). В-третьих, в случае неподтверждения подозрения, оно должно быть аннулировано. Однако для этого объективно необходимо наличие сформулированного подозрения в процессуальном акте”⁴⁸. **Принятие** постановления о привлечении к делу в качестве подозреваемого при наличии любых оснований подозрения отвечает интересам и органов предварительного расследования, поскольку у них появляются необходимые предпосылки для эффективного уголовного преследования заподозренного лица, и самого подозреваемого, так как он своевременно приобретает тот статус, который позволяет защищаться от уголовного преследования.

Исходя из этого, целесообразно привести примерные реквизиты постановления, которым лицо признается подозреваемым. Содержание данного постановления аналогично подобным процессуальным актам: вводная,

---

⁴⁸ Козловский Н.А. Указ. соч. С. 136 ◀ 137.

описательно-мотивировочная и резолютивная части. Но главное, что должно быть отражено в данном акте – формулировка подозрения. Составители Общей части УПК, подготовленного в соответствии с распоряжением Президента РФ, попытались в ч. 4 ст. 78 раскрыть содержание подозрения как фактическую и юридическую квалификацию деяния. Это не совсем правильно. Точнее было бы сказать, что подозрение включает в себя фактические обстоятельства и юридическую квалификацию деяния.

В отличие от обвинения, где описание преступления как с фактической, так и с юридической стороны должно быть максимально полным и точным, формулировка подозрения не может быть таковой, так как, во-первых, орган расследования еще не располагает достаточными доказательствами, а во-вторых, исходя из тактики расследования дела, следователь не заинтересован в доведении до подозреваемого лица всех обстоятельств, которые имеются в деле на данный момент.

Поэтому формулировка подозрения всегда будет намного уже, чем обвинения, но при этом в описании деяния должен быть тот минимум, который позволит подозреваемому и его защитнику получить достаточно ясное представление о преступлении, в совершении которого лицо подозревается. К сожалению, на практике отсутствие какого-либо требования закона в этой части приводит к тому, что в абсолютном большинстве случаев суть подозрения сводится к указанию на ту статью УК РФ, в нарушении которой подозревается человек. Иными словами, орган расследования в настоящее время предмет подозрения перед подозреваемым официально и в необходимой степени не формулирует.

Поддерживая мнение авторов, которые выступают за вынесение отдельного (ни с чем не связанного) постановления о привлечении лица в качестве подозреваемого, приведем ряд аргументов в пользу данного процессуального решения, имеющего социальное и правовое значение.

Во-первых, в **новом УПК РФ** путем вынесения специального постановления лицо привлекается (признается) в качестве обвиняемого (ст. 47), гражданского ответчика (ст. 54), потерпевшего (ст. 42), гражданского истца (ст. 44). Однако такое постановление в отношении подозреваемого не выносится, что не вполне объяснимо, поскольку все эти субъекты: подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, гражданский истец и гражданский ответчик объективно относятся к одной группе – участников, отстаивающих по делу свой правовой интерес, поскольку совершенное преступление и его расследование, так или иначе затрагивает интересы лично каждого из них. Именно поэтому они не только должны быть наделены широкими полномочиями в сравнении, например, со свидетелем, экспертом, специалистом, но и вовлекаться в уголовный процесс через особую процедуру – вынесение постановления о признании (привлечении) лица тем или иным субъектом. Во-вторых, правовое значение постановления о привлечении в качестве подозреваемого состоит в том, что человек официально получает данный процессуальный статус и приобретает соответствующие права и обязанности, в том числе право на защиту, с помощью которых он может эффективно противостоять выдвинутому против него подозрению. В-третьих, постановление о привлечении в качестве подозреваемого необходимо потому, что оно дает официальное начало юридическому подозрению. Именно с этого момента начинается отсчет времени нахождения лица в данном процессуальном статусе.

В-четвертых, первоначальная постановка лица в статус подозреваемого путем вынесения об этом постановления требуется для того, чтобы в случае неподтверждения подозрения оно было с человека также официально снято. Применяемые в настоящее время меры принуждения для постановки лица в статус подозреваемого, не могут являться началом юридического подозрения, поскольку отменив их, человек долгое время может находиться под

подозрением, формально будучи уже не подозреваемым. Строго говоря, в этом случае не подозрение снимается, а отменяется мера принуждения, ставящая лицо в статус подозреваемого, что в правовом государстве недопустимо.

Все изложенное позволяет нам обратиться к проблеме понятия подозрения в уголовном процессе, поскольку в рамках предлагаемой концепции подозрение юридически находит свое отражение в постановлении о привлечении лица в качестве подозреваемого.

Одним из авторов, обратившихся к этой проблеме, является Л.В. Франк, который предложил следующее определение данного понятия: “Подозрение – это суждение следователя о взаимоотношении, взаимосвязи и соответствии между известными обстоятельствами дела и определённой личностью, основанное на достоверных фактах, опытно-научных положениях и умозаключениях, а также на непроверенных еще данных, уличающих это лицо в совершении преступления с той или иной степенью вероятности”⁴⁹. Несмотря на оригинальность этого определения оно все же носит общий характер, что ведет к смешиванию подозрения со следственными (криминалистическими) версиями. Более того, сам автор отождествляет подозрение с версией о виновности конкретного лица⁵⁰. В.В. Котровский пишет о том, что “версия о субъекте преступления наиболее близко подходит к понятию “подозрение”⁵¹.

В научной литературе встречались попытки рассматривать подозрение в нескольких значениях. В частности, А.М. Ларин выделяет два значения подозрения – криминалистическое и уголовно-процессуальное. По его мнению, “в специальном криминалистическом значении подозрение – это

---

⁴⁹ Франк Л.В. Указ. соч. С. 64.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Котровский В.В. Подозреваемый по новому УПК РСФСР // Правоведение. 1962. С. 85.

вывод (объясняющая часть) версии о субъекте преступления”⁵⁵². Подозрение же в уголовно-процессуальном значении выступает как “вывод из версии, основание которой специально предусмотрено законом”⁵⁵³. Л.М. Карнеева предложила рассматривать подозрение не в двух, а в трех значениях – как психологическую характеристику состояния сознания следователя, определяющую его субъективное отношение к исследуемому факту; как криминалистическое понятие, используемое при подборе оснований к решению задач расследования и для выдвижения версий и, наконец, как процессуальную категорию, когда с возникшим подозрением закон связывает наступление определенных процессуальных последствий”⁵⁵⁴. По мнению Н.А. Козловского, “подозрение – это особая форма причастности лица к совершенному преступлению, выраженная в виде вывода органов уголовного судопроизводства и оформленная специальным процессуальным актом о предположительно преступном характере его деяний и необходимости вовлечения его в сферу уголовно-процессуальной деятельности в качестве подозреваемого”⁵⁵⁵.

Безусловно, подозрение – термин многоаспектный и может рассматриваться, как правильно отмечает Л.М. Карнеева, и в психологическом, и в криминалистическом, и в уголовно-процессуальном смысле. В данном случае мы ведем речь о подозрении как уголовно-процессуальной категории. Следовательно, в основе определения понятия подозрения должны быть те положения и аксиомы уголовно-процессуального закона, которые характеризуют правовой статус участников уголовного процесса. Отнесение подозреваемого к группе субъектов, отстаивающих по делу свой правовой интерес, появление которых в уголовном деле связано с

---

⁵⁵² Ларин А.М. От следственной версии к истине. М., 1976. С. 140.

⁵⁵³ Там же.

⁵⁵⁴ Карнеева Л.М. Указ. соч. С. 61.

⁵⁵⁵ Козловский Н.А. Указ. соч. С. 50.

вынесением специального процессуального решения, приводит к выводу о том, что подозрение как уголовно-процессуальная категория не может являться версией или психологическим состоянием следователя, а имеет место лишь тогда, когда в отношении заподозренного лица официально выдвинут тезис подозрения в форме какого-либо процессуального акта. В этом смысле определение подозрения, данное Н.А. Козловским, является уголовно-процессуальной дефиницией и в ней наиболее точно изложена суть подозрения как уголовно-процессуальной категории. В качестве уточнения следует отметить, что право на выдвижение подозрения имеют не все органы уголовного судопроизводства, а только органы уголовного преследования, которые выдвигают его не в отношении лица, причастного к совершенному преступлению, а лица, причастного к совершению преступления.

Таким образом **подозрение** – это выраженное в постановлении утверждение органа уголовного преследования о причастности лица к совершению расследуемого преступления при отсутствии достаточных доказательств для предъявления ему обвинения.

Необходимость вынесения постановления о привлечении лица в качестве подозреваемого возникает тогда, когда перед следователем реально находится заподозренное лицо, т.е. человек, против которого имеются основания подозрения. В связи с этим следователь должен допросить данное лицо, а поскольку его статус не определен, орган предварительного расследования обязан поставить его в надлежащее процессуальное положение. Поэтому в большинстве случаев привлечение лица в качестве подозреваемого предшествует его допросу. Если же заподозренного лица нет, то расследование идет без его участия и подозрение как этап уголовного дела может вообще не возникнуть. И лишь в одном случае – когда заподозренное лицо должно быть доставлено для допроса путем привода ➤ вынесенное

постановление о привлечении в качестве подозреваемого немедленно не предъявляется.

Но, так или иначе, прежде чем допросить лицо в качестве подозреваемого, ему должно быть официально предъявлено подозрение. Это второе действие органа предварительного расследования на этапе подозрения.

Процедура предъявления подозрения во многом схожа с порядком предъявления обвинения и должна состоять из трех этапов:

- а) ознакомление подозреваемого с постановлением о привлечении в качестве подозреваемого;
- б) изложение сущности подозрения и, при необходимости, его оснований;
- в) разъяснение прав и обязанностей подозреваемого.

Наибольшую ценность и сложность для подозреваемого представляет последнее, т.е. уяснение его правомочий. Изучение следственной практики показало, что следователи зачастую либо вообще не сообщают подозреваемому о его правах, либо не разъясняют их, ограничиваясь зачитыванием текста ч. 2 ст. 52 УПК РСФСР. Возникает вопрос, а что же из него может понять далекий от специфических терминологий уголовного процесса человек? Следователь обязан разъяснить подозреваемому его права и обязанности, которые должны быть закреплены в отдельном процессуальном акте, получившем в настоящее время распространение в практике органов расследования. К сожалению, законодатель не предусмотрел в новом УПК РФ отдельного протокола разъяснения прав подозреваемому, утвердив в Приложениях к Уголовно-процессуальному кодексу РФ бланки процессуальных документов, которые изменению не подлежат. Согласно этому права подозреваемого закреплены в протоколе задержания подозреваемого и протоколе допроса подозреваемого (Приложения 12 и 13 к УПК РФ).

2. Допрос подозреваемого.

Привлечение лица в качестве подозреваемого обусловлено необходимостью его допроса. Поэтому моменты вынесения постановления и его предъявления максимально приближены и исчисляются буквально минутами. Фактически это происходит в ходе беседы следователя с гражданином, предшествующей его допросу. Располагая данными по делу: физического задержания, явки с повинной, факта возбуждения уголовного дела в отношении этого лица и другими, следователь проверяет наличие подозрения и немедленно формулирует его в своем решении признать данное лицо подозреваемым по делу. После чего это постановление предъявляется лицу, в отношении которого оно вынесено. В связи с этим следует особо подчеркнуть, что допрос подозреваемого в строго юридическом значении может иметь место только после того, как лицо стало подозреваемым, однако до того, как к нему могут быть применены меры процессуального принуждения, предусмотренные для подозреваемого. Предварительное вынесение постановления о привлечении лица в качестве подозреваемого делает логичным следующий за ним допрос, и снимает существующую по действующему УПК РСФСР и новому УПК РФ проблему обоснованности применения меры принуждения к подозреваемому до его допроса.

Подозреваемый должен быть немедленно допрошен после предъявления ему подозрения. Однако возможность такого допроса зависит от желания подозреваемого иметь защитника. Если подозреваемый отказался от участия защитника или по закону его участие необязательно, следователь приступает к производству допроса. Если же участие защитника необходимо, то для следователя возникает проблема своевременного привлечения защитника к делу и проведения допроса, поскольку подозреваемым может быть изъявлено желание иметь защитника, который в этот момент находится в другом городе, в командировке, участвует в другом деле и т.п. Здесь следователь не располагает тем довольно длительным сроком, который предшествует

предъявлению обвинения и дает возможность пригласить дежурного адвоката или защитника по соглашению. Но в любом случае право подозреваемого иметь защитника должно соблюдаться, и принятие выдвигаемых предложений безусловно повлечет практическую сложность в своевременном обеспечении подозреваемого защитником. Однако эти трудности являются временными, поскольку практика в любом случае выработает определенный порядок своевременного предоставления защитника подозреваемому. В связи с этим определенно повышается значимость дежурных адвокатов, которые способны в любое время оказать юридическую помощь подозреваемому, пока в дело не вступил выбранный им конкретный защитник. Конечно, нельзя сразу отказывать в предоставлении подозреваемому выбранного им защитника в виду отсутствия последнего, однако срок, в течение которого ожидается прибытие такого защитника, не должен быть долгим. По УПК РФ (ст. 50) такой срок составляет 24 часа, после чего подозреваемый обеспечивается либо дежурным адвокатом, либо защитником по назначению следователя.

Процедура допроса подозреваемого начинается с вопроса о том, каково его отношение к предъявленному подозрению, что может выразиться в одном из трех вариантов ответа: а) признаю подозрение; б) не признаю подозрение; в) частично признаю подозрение, после чего излагаются показания подозреваемого. Предметом показаний подозреваемого является выдвинутое против него подозрение, а также иные обстоятельства, имеющие значение для дела.

Допрос подозреваемого позволяет следователю получить ответы на многие вопросы. Во-первых, проверяются основания подозрения, так как, получив показания подозреваемого, следователь либо утверждает в своем подозрении, либо оно ставится под сомнение. Во-вторых, следователь получает данные для сбора новых доказательств, как в обоснование подозрения, так и его опровержение. В-третьих, следователь приобретает

достаточно полное представление о личности подозреваемого, что имеет немаловажное значение и для оценки обстоятельств дела, и для применения к нему мер уголовно-процессуального принуждения.

В случае отказа подозреваемого от дачи показаний, а это вполне возможно в практике расследования уголовных дел, подозреваемому должна быть предоставлена возможность изложить в протоколе допроса причину такого отказа.

3. Решение вопроса об уголовно-процессуальном задержании подозреваемого.

По окончании допроса следователю необходимо определиться с вопросом о том, возможно ли дальнейшее эффективное расследование дела без изоляции подозреваемого. Если следователь располагает данными о том, что подозреваемый, находясь на свободе, не скроется от расследования, не совершит нового преступления, не воспрепятствует установлению истины по делу, то к подозреваемому может быть применена мера принуждения, не связанная с лишением свободы. Однако во многих случаях по тяжести преступления, обстоятельствам его совершения и личности подозреваемого, оставление его на свободе недопустимо. Заключение подозреваемого под стражу в качестве меры пресечения в данный момент исключено, как в связи с недостаточностью доказательств, так и скоротечностью ситуации. Поэтому в арсенале органа предварительного расследования должна быть мера процессуального принуждения, состоящая в кратковременном аресте по решению самого следователя и применяемая только к подозреваемому до решения вопроса о заключении под стражу. Эта мера процессуального принуждения на языке уголовно-процессуального закона именуется ***задержание подозреваемого***.

Традиционное задержание подозреваемого (ст. 122 УПК РСФСР, ст. 91 и 92 УПК РФ), существующее в следственной практике десятки лет, не

соответствует логике расследования преступлений и гарантиям прав и законных интересов личности, поскольку используется как отправной момент этапа подозрения. Вначале, без каких-либо доказанных оснований, по существу по предположению, лицо подвергается аресту, и лишь затем начинается проверка обоснованности подозрения. Иными словами, мера принуждения предшествует подозрению, более того, само ее применение расценивается как подозрение, тогда как обычная логика расследования требует первоначального выдвигания против лица подозрения и лишь последующего применения меры принуждения.

В настоящее время во многих случаях задержание используется как мера давления на подозреваемого и получения от него признания в совершении преступления. Так, В.Н. Григорьев справедливо утверждает, что на практике распространены случаи задержания с целью давления на подозреваемого и получения “признания” в совершении преступления⁵⁶.

Решение проблемы задержания, по мнению И.А. Ретюнских, видится в коренном пересмотре сложившейся системы, в которой необходимо предусмотреть три части задержания: а) *милицейское задержание* “на месте”, ограниченное минимальным отрезком времени и применяемое до возбуждения уголовного дела; б) *доследственное задержание* сроком до шести часов, считая с часа фактического ограничения свободы заподозренного, без возможного продления данного срока. Это задержание применяется в стадии возбуждения уголовного дела оперативным дежурным, дознавателем или следователем с целью установления оснований для возбуждения уголовного дела и проверки причастности доставленного лица к совершению преступления; в) *следственное задержание* как меру уголовно-процессуального принуждения, состоящую в ограничении свободы лица, признанного подозреваемым по уголовному делу, органом дознания или следователем сроком до срока восьми часов с момента фактического задержания для проверки подозрения

---

⁵⁶ Григорьев В.Н. Задержание подозреваемого органами внутренних дел. Ташкент, 1989. С. 4.

и решения вопроса о применении к подозреваемому в качестве меры пресечения заключения под стражу⁵⁷.

Разумеется, следственное задержание должно быть связано с рядом условий и применяться только в том случае, если для решения задач раскрытия и расследования преступлений подозреваемого нельзя оставлять на свободе. Как и всякая мера принуждения, применяемая в стадии предварительного расследования, процессуальное задержание должно оформляться не протоколом, а постановлением.

4. Решение вопроса о применении к подозреваемому меры пресечения.

Этап подозрения от начала до конца пронизан активной доказательственной деятельностью органов предварительного расследования. Здесь решается одна задача – раскрытие преступления, состоящее в выяснении причастности подозреваемого лица к расследуемому преступлению. При этом орган предварительного расследования использует весь арсенал познавательных уголовно-процессуальных средств и, прежде всего, следственных действий: допросов, обысков, выемок, экспертиз и т.д. Целью этой деятельности является обвинение как логический и обоснованный результат того предположения, которое было выдвинуто при привлечении лица в качестве подозреваемого. Содержание доказывания до обвинения остаётся практически неизменным в зависимости от того, проходит ли предварительное расследование этап подозрения или нет, и поэтому в данном пособии эта сторона уголовно-процессуальной деятельности специально рассмотрению не подвергается. Говоря о структуре подозрения, следует иметь в виду те узловые моменты, которые раскрывают содержание и специфику деятельности органов уголовного преследования на данном этапе предварительного расследования.

---

⁵⁷ Ретюньских И.А. Указ. соч. С. 16 ➔ 23.

После привлечения лица в качестве подозреваемого, предъявления подозрения, допроса и задержания подозреваемого логика предварительного расследования ставит вопрос о применении к нему меры пресечения.

Назвав применение меры пресечения в виде заключения под стражу к заподозренному лицу одной из процессуальных форм выдвижения подозрения по уголовному делу (п. 3 ч. 1 ст. 46 УПК РФ), законодатель придал ей дополнительную функцию. Если основная задача мер пресечения заключается в обеспечении надлежащего поведения лица, привлеченного к уголовной ответственности (уже после того, как состоялся акт привлечения), то по ст. 46 УПК РФ мера пресечения служит еще и тому, чтобы с ее помощью лицо, заподозренное в совершении преступления, юридически было поставлено в статус подозреваемого по уголовному делу.

В связи с этим УПК РФ предусматривает две ситуации, при которых мера пресечения в виде заключения под стражу используется на этапе подозрения. В первом случае лицо задерживается в порядке ст. 91 и 92 УПК РФ, после чего в течение срока задержания к подозреваемому применяется мера пресечения. Этот вариант соответствует и логике расследования, и прямому назначению меры пресечения как меры уголовно-процессуального принуждения. При этом к моменту применения меры пресечения лицо может оставаться подозреваемым, а может уже стать обвиняемым, если за период задержания следствию удалось собрать достаточные для обвинения доказательства.

Вторая ситуация применения меры пресечения в виде заключения под стражу на этапе подозрения более сложна и заключается в следующем. Располагая данными подозревать лицо в совершении преступления и не имея оснований для задержания подозреваемого в порядке ст. 91 и 92 УПК РФ, следователь применяет к заподозренному лицу меру пресечения в виде заключения под стражу. Тем самым в уголовном деле в соответствии со ст. 46

УПК РФ, появляется подозреваемый как полноценный участник уголовно-процессуальной деятельности.

Предложенная идея признания лица подозреваемым путём вынесения специального акта о привлечении лица в качестве подозреваемого позволяет полностью решить названную проблему. В этом случае мера пресечения освобождается от несвойственной ей функции постановки лица в статус подозреваемого и служит той цели, для которой она предназначена – обеспечить надлежащее поведение лица, привлекаемого к уголовной ответственности, до решения вопроса о его виновности.

Поэтому необходимость обращения органа предварительного расследования к мере пресечения возникает в рамках выдвинутой концепции подозрения только после привлечения лица в качестве подозреваемого, предъявления ему подозрения и допроса. Здесь возможны два варианта: а) подозреваемый не был задержан в порядке ст. 91 и 92 УПК РФ; б) подозреваемый был задержан. В первом случае следователь (дознатель) после допроса подозреваемого, с учетом его личности, тяжести преступления и других обстоятельств, немедленно избирает и применяет ту меру пресечения, которая может наиболее эффективно обеспечить поведение подозреваемого при дальнейшем расследовании уголовного дела. Если оснований для применения меры пресечения нет, то орган предварительного расследования вправе ограничиться отобранием у подозреваемого обязательства о явке, в соответствии со ст. 112 УПК РФ.

Во втором случае вопрос о применении меры пресечения откладывается на срок задержания подозреваемого и связан, прежде всего, с использованием такой меры пресечения, как заключение под стражу (арест). Кроме того, к подозреваемому, в соответствии с УПК РФ, могут применяться и иные меры пресечения.

5. Окончание подозрения.

Срок существования лица в качестве подозреваемого в действующем уголовно-процессуальном законодательстве четко не определен. Традиционно в теории и практике уголовного процесса он ограничивается десятью сутками, поскольку в [ст. 100 УПК РФ](#) указано, что в случае применения к подозреваемому меры пресечения обвинение ему должно быть предъявлено не позднее десяти суток с момента применения меры пресечения, [а если подозреваемый был задержан, а затем заключен под стражу – в тот же срок с момента задержания](#). Данную норму нельзя считать безупречной, так как, во-первых, в ней речь идет об истечении срока подозрения только в случае [п. 2 и 3 ст. 46 УПК РФ](#), оставляя открытым вопрос о сроках подозрения при возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица ([п. 1 ч. 1 ст. 46 УПК РФ](#)), а во-вторых, моментом окончания десятисуточного срока [ст. 100 УПК РФ](#) называет факт предъявления обвинения, тогда как подозрение завершается не предъявлением обвинения, а привлечением лица в качестве обвиняемого. Строго говоря, [ст. 100 УПК РФ](#) определяет не срок существования подозрения, а срок предъявления обвинения лицу, к которому мера пресечения была применена до выдвижения против него обвинения.

Такая неопределенность в сроках подозрения порождает ряд практических проблем. Так, остается неясным, каков срок подозрения в случае возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица ([п. 1 ч. 1 ст. 46 УПК РФ](#)); каковы начальная и конечная точки отсчета срока нахождения лица под подозрением и др.

Первопричиной проблемы срока подозрения является, на наш взгляд, отсутствие в уголовно-процессуальном законе требования о вынесении специального юридического акта о привлечении лица в качестве подозреваемого. Наличие такого акта ясно и однозначно определяет исходный момент подозрения, что необходимо и важно как для органа уголовного преследования, так и самого лица, оказавшегося под подозрением.

Вопрос о сроке подозрения имеет большое значение не только в плане точного его измерения, но и его длительности, протяженности. При этом следует исходить из того, что подозрение есть неопределенность, состоящая в вероятном характере утверждения органа предварительного расследования о причастности лица к совершению преступления. Такая неопределенность, тем более сопровождаемая мерами принуждения к подозреваемому, долго существовать не может. Срок в десять суток, сложившийся в уголовном процессе России, представляется нам оптимальным. В этот временной отрезок орган уголовного преследования обязан провести активную познавательную-доказательственную работу и прийти к категорическому знанию – доказать виновность лица в совершении преступления и перевести подозрение в обвинение либо установить отсутствие оснований для обвинения и освободить лицо от подозрения.

Первый вариант развития подозрения в действующем уголовно-процессуальном законе предусмотрен. Ст. 171 УПК РФ содержит общую норму привлечения лица в качестве обвиняемого, а в ст. 100 УПК РФ говорится об обвинении применительно к подозреваемому. Однако достаточно точной и полной регламентации перехода подозрения в обвинение в УПК РФ не содержится.

Значительно сложнее обстоит дело с другим вариантом развития подозрения – когда выдвинутое подозрение не подтвердилось и оснований для предъявления обвинения подозреваемому в деле нет. К сожалению, в УПК РФ эта ситуация предусмотрена лишь в общем виде.

Указанное обстоятельство заслуженно расценивается как пробел в законодательной регламентации⁵⁸. Логично предположить, что законодательная конструкция была создана с тем условием, при котором выдвинутое подозрение во всяком случае должно перерасти в обвинение.

---

⁵⁸ Пастухов М.И. Реабилитация невиновных: Основы правового института. Минск, 1993. С. 91.

Между тем, достаточно противоречивая модель подозрения, **существовавшая длительное время**, при которой нет ни логического начала, ни логического конца, оставаться в неизменном виде не должна.

Понимая незавершенность ситуации, следственная практика в большинстве случаев прикрывает данный правовой пробел, освобождая лицо от подозрения постановлением о прекращении уголовного преследования. **По этому же пути пошел законодатель, установив, что уголовное преследование в отношении подозреваемого прекращается в связи с непричастностью его к совершению преступления (п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ)**. Признавая по существу обоснованность подобного решения, трудно согласиться с его формулировкой. Уголовное преследование – понятие достаточно широкое. Оно охватывает не только подозрение, но, главным образом, и обвинение.

Поэтому, говоря о прекращении уголовного преследования, остается выяснить, о чем идет речь – об освобождении от подозрения или обвинения. С точки зрения Б.А. Денежкина, следователь должен вынести мотивированное постановление о снятии подозрения, а копию такого постановления вручить реабилитированному и направить прокурору⁵⁹. Аналогичную по существу позицию занимает А.В. Солтанович, который утверждает, что “в случае непричастности подозреваемого к совершению преступления вывод об этом необходимо излагать в отдельном процессуальном документе. Таким документом может быть вынесенное постановление о реабилитации подозреваемого, копия которого вручается реабилитированному под расписку, а также направляется прокурору”⁶⁰.

Разделяя данные мнения, добавим, что более точным названием такого решения явилось бы “постановление об освобождении от подозрения”. Его правомерно выносить и **на основе уголовно-процессуального законодательства**, руководствуясь положениями **п. 25 ст. 5 УПК РФ**. С

⁵⁹ Денежкин Б.А. Указ. соч. С 32 ➔ 33.

⁶⁰ Солтанович А.В. Указ. соч. С. 171 ➔ 172.

момента прекращения уголовного преследования подозреваемого ему должно быть предоставлено право на все виды материальной и моральной компенсации в случае причинения ему в связи с незаконным привлечением к участию в деле в качестве подозреваемого какого-либо вреда⁶¹.

После освобождения от подозрения лицо в любом случае уже не является подозреваемым, но может или остаться в уголовном деле, или вообще выйти из него. В первом случае бывший подозреваемый становится свидетелем. Для того, чтобы показания такого свидетеля имели полноценное доказательственное значение и были получены в соответствии с законом, все его предыдущие сообщения должны быть исключены из используемых доказательств, а лицо допрошено вновь теперь уже в качестве свидетеля с соблюдением положений ст. 51 Конституции РФ. Если показания бывшего подозреваемого не имеют доказательственной ценности, то после освобождения от подозрения лицо вообще выбывает из уголовного процесса и каким-либо его участником не является.

Таким образом, подозрение приобретет полностью заверченный вид только в том случае, если оно будет надлежаще оформлено вначале постановлением о привлечении лица к делу в качестве подозреваемого, а в конце – постановлением о привлечении лица к делу в качестве обвиняемого, либо об освобождении лица от подозрения.

В итоге структуру уголовно-процессуальной деятельности на этапе подозрения можно представить в виде схемы, состоящей из взаимосвязанных между собой и строго упорядоченных элементов:

- 1. Привлечение лица в качестве подозреваемого.***
- 2. Допрос подозреваемого.***
- 3. Решение вопроса об уголовно-процессуальном задержании подозреваемого.***

---

⁶¹ Шадрин В.С. Указ. соч. С. 122.

4. Решение вопроса о применении к подозреваемому меры пресечения.

5. Окончание подозрения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее пособие посвящено одной из наиболее актуальных проблем уголовного процесса. Эта проблема порождена крайне неудачной нормативной регламентацией института подозрения в уголовно-процессуальном законодательстве советского периода. Поэтому главная задача данной работы состоит в разработке, в первую очередь, теоретической концепции подозрения, отвечающей современным требованиям раскрытия и расследования преступлений, с одной стороны, и защиты прав и законных интересов личности, оказавшейся под подозрением по уголовному делу, с другой.

Выдвинутая в итоге концепция обусловлена, прежде всего, потребностями практики и поэтому основывается на современном опыте следственных органов и логике предварительного расследования.

Предложенная конструкция подозрения получила поддержку проанкетированных автором следователей и дознавателей, по мнению которых, ее принятие законодателем позволило бы снять существующие проблемы подозрения и значительно эффективнее, чем в настоящее время, осуществлять уголовно-процессуальную деятельность на первоначальном этапе предварительного расследования.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
§ 1. Место и значение подозрения в уголовном процессе.....	4
§ 2. Основания подозрения лица в причастности к совершению преступления.....	16
§ 3. Система уголовно-процессуальной деятельности на этапе подозрения.....	28
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	46

Пантелеев Игорь Анатольевич

ПОДОЗРЕНИЕ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

Учебное пособие

Корректурa *И.Б. Бебих*
Компьютерная верстка *Т.А. Шиковой*

Лицензия № 021307 от 22 сентября 1998 г.

Подписано в печать 25. 12. 2001. Формат 30x42 1/8
Печать офсетная. Бумага писчая
Усл. п. л. 6. Объем п. л. 3
Тираж 150 экз. Заказ № 275

Организационно-научный и редакционно-издательский отдел
Уральского юридического института МВД России

620057, Екатеринбург, ул. Корепина, 66

Участок оперативной полиграфии УрЮИ МВД России